

Павел Вишнев

Юнги

1

Отец Гурьки воевал на фронте пехотинцем, а мать на заводе работала. Что она делала там – Гурька толком не знал, да и не очень интересовался. Работает – и все. А вот за обстановкой на фронтах он следил. Отец писал нечасто и помалу, но как у него обстоят дела на Украинском фронте, Гурька знал. Ни одной сводки не пропускал.

Отца Гурьки звали Василием Михайловичем Захаровым. До того как его призвали на фронт, он работал токарем на одном заводе с матерью. Портрет Василия Михайловича перед праздниками вывешивался на Доске почета.

Сейчас отец воевал, и Гурька запоем читал сводки Советского информационного бюро. Ему очень хотелось самому попасть на фронт. С завистью и обожанием смотрел он на военных. Все отдал бы за зеленую гимнастерку, солдатский ремень и кирзовые сапоги. Ни о танке, ни о самолете Гурька не мечтал. Ему хотелось быть обыкновенным пехотинцем, как отец.

Жили они с матерью Анной Ивановной вдвоем. Учился Гурька середнячком. Иногда и двойки схватывал. И если бы отец не спрашивал в каждом письме про его успехи в учебе, он бы совсем забросил школу. Матери некогда было наблюдать за ним – на заводе дел полно. С работы она приходила поздно, а иногда и вовсе сутками не появлялась дома: завод спешил выполнить заказ фронта. Без нее Гурька сходит в магазин, паек по карточкам получит и обед себе какой ни на есть сам изготовит. Жили в войну нелегко. Пайка не хватало. Однажды Гурька потерял карточки. Пришлось кое-что продать, чтобы дотянуть до следующего месяца. Порылась Анна Ивановна в своем сундуке, который остался ей в наследство от Гурькиной бабушки, вытащила платье, вздохнула и велела Гурьке отнести на толкучку.

Отцовы вещи мать берегла. Да и ценного, что можно было бы продать, у него было немного: пальто с каракулевым воротником и костюм, в которых он ходил на демонстрации и в гости.

Однако сундучок у Анны Ивановны был невелик. Все, чем она успела обзавестись до войны, было уже продано. А тут Гурька простудился и заболел. Мать с завода отпросилась. Сама и в магазин и на рынок ходила, за Гурькой ухаживала. Он третью неделю в постели лежал. В больницу его не взяли. Все больницы и даже некоторые школы ранеными фронтовиками заняты. И сквозь болезненную дремоту Гурька слышал, как докторша, что приходила к ним на дом, говорила матери:

– Питание, питание...

Когда Гурька поправился, поднялся с постели и заглянул на кухню, то обнаружил, что шкаф для посуды исчез.

Мать сказала:

– Продала. Очень плох ты был, ну и продала.

– А папин костюм?

– Костюм цел.

– Покажи.

– Открой сундук и посмотри.

Гурька подбежал к сундуку, поднял крышку и увидел на самом верху аккуратно сложенный и завязанный в марлевую тряпку отцов костюм.

2

В тот год Гурька пошел в седьмой класс.

Мать внушала ему, чтобы он старался: седьмой класс – выпускной. Если он будет хорошо учиться – поступит в техникум, стипендию получит. Деньги небольшие, но все легче станет. Война-то вон как затянулась, и неизвестно, когда она кончится. А после техникума пошлют Гурьку на завод мастером.

– Ты на кого хочешь учиться? – спрашивала его Анна Ивановна.

Гурька и сам еще не знал. На военного бы ему, да для его возраста военных школ нет.

– Я, мама, в авиационный техникум пойду.

У Гурьки был свой расчет: если ему сейчас нельзя сделаться солдатом, то хоть в авиационном техникуме будет учиться. А потом его механиком или еще кем в авиацию пошлют, на фронт.

От отца вскоре пришла совсем неожиданная весть. Его ранило в бою, и он лежит в госпитале. Сколько пролежит – неизвестно.

К соседям приходили похоронные, письма с сообщениями о ранении близких. Гурька знал: на войне никто от смерти не застрахован, но чтобы ранили или убили его отца – этого он просто никак не мог себе представить.

Мать прочитала письмо, заплакала, а потом сказала:

– Слава богу, живой. Когда поправляться будет, может, домой на побывку пустят. Ты смотри, Гурька, учись. Отец приедет, спросит.

И Гурька старался. На уроках теперь сидел тише воды. Своему соседу по парте Николаю Ли-зунову говорил:

– Ты, Лизун, не задевай меня, не мешай. А то я тебе такого козла пушу в башку, что неделю будешь чесаться.

Гурька заметил, что писем от отца мать ждала с большим нетерпением, чем прежде. Вернется с работы, переступит через порог и сразу:

– Письма нет?

Работа у нее, что ли, стала другая. Будто и устает меньше и домой приходит чистая, аккуратная. Давно уже не следила так за собой.

Зашел как-то Николай и говорит:

– Пойдем, Гурька, искупаемся в последний раз. А то вода скоро холодная будет, не сунешься в нее до будущего лета.

Пошли на реку. Разделись и легли на песке, хотя солнце уже не сильно грело, да и загару на обоих было вполне достаточно; каждый спустил со спины, плеч и носа по нескольку шкур, и теперь оба были шоколадного цвета.

Гурька любовался рекой, уходящими вдаль лесами и поймами, отражением в воде флага, едва колеблющегося на тонком шпиле водной станции.

Николай показал на узкий песчаный остров.

– Поплывем!

До острова было далеко. Плавать на такое расстояние Гурька еще не отваживался, И сейчас не мог осмелиться. Они с Николаем никогда раньше об этом не говорили, но сделать заплыв до острова было заветной мечтой каждого. Может, ради этого Николай и позвал его сегодня купаться?

Гурька подумал, потом сказал нерешительно:

– На середине, говорят, есть водовороты.

– Ха-ха-ха! Испугался! Другие-то плавают!...

Николай поднялся, отряхнул с живота песок и сказал твердо:

– Ты как хочешь, загорай тут, а я поплыву. Это уже было слишком!

Николай поплывет! А он как же? Махнуть рукой: «Плыви, а я посмотрю?» А на фронте как? Наступление. Река. Товарищи поплыли, а ты, выходит, стой и смотри, как они форсируют водную преграду? Нет, так не пойдет!

Гурька молча пошел за приятелем в воду, а потом поплыл рядом.

– Ну как? – спросил Николай через некоторое время.

– Ничего.

– А ты дыши ровнее. Не поднимай головы слишком высоко и не переваливай сильно корпус с боку на бок.

«Тоже мне, учит», – подумал Гурька и нарочно старался сильнее опираться на воду, высоко держал голову.

Он плыл, то саженьками, то на боку, то на спине и, когда остров был совсем уже близко, почувствовал, что ноги тяжелеют, в руках и в пояснице появилась боль. Сначала было стыдно перед Николаем и, чтобы не отстать от него, Гурька напрягал все силы. Потом, стыд сменился страхом.

Подул ветер. Маленькие гребешки, как кружево, покрыли реку, и она теперь казалась не голубой, как прежде, а мутно-серой.

Гурьке хотелось хотя бы на минутку встать на дно, пускай илистое, жидкое, но только бы немного опереться, дать отдохнуть телу. Он сделал усилие, мотнул головой и, как плетью, замахал руками из последних сил.

Так он плыл еще несколько минут и вдруг почувствовал, что задевает дно.

Слегка шатаясь, Гурька пошел туда, где на песке уже сидел Николай. Он тяжело дышал, и руки у него дрожали.

Гурька сел рядом.

– Ну вот и доплыли, – сказал он и смахнул с ноги приставшую травинку.

– Да, – выдохнул Николай.

Вдали маленький буксир тащил баржу. Гурька поднялся на ноги, чтобы рассмотреть надпись на борту буксира.

– Да это «Смелый»! – радостно воскликнул он. – Маленький, а какую баржищу тянет!

3

Потом все исчезло: и буксир, и река, и город. Ребята видели только небо, необычайное, волнующее. Над самыми головами с глуховатым и в то же время звенящим рокотом, напоминающим клекот хищной птицы, клином летели немецкие самолеты.

Что самолеты были именно немецкие, ребята догадались сразу. Город далеко от фронта, и никогда им прежде не приходилось видеть самолеты немцев. Советские самолеты не походили на эти ни шумом моторов, ни силуэтами.

Ударили зенитки. Светлые облачка разрывов возникали и перед ведущим самолетом и внутри строя, но фашисты продолжали лететь, не меняя курса.

Потом клин начал распадаться. Самолеты легли на крыло, и со злым сверлящим воем на город полетели бомбы. Взрыв... Еще... Еще...

Ребята побежали по острову, потом бросились в воду, чтобы добраться до левого берега. Неподалеку находился плашкоутный мост. Через него можно попасть в город. Но когда Гурька и Николай подбегали к мосту, упала бомба и взорвала его почти у самого правого берега. Длинный хвост моста относил течением. А фашист, выйдя из пике, принялся расстреливать из пулеметов скопившиеся у моста автомашины и подводы. Напуганные до беспамятства люди бросались в воду. Одни тут же тонули, другие хватались за что попало, старались вплавь добраться до берега.

Ошеломленные Гурька и Николай смотрели на поднимающиеся над городом черные тучи пожаров.

Город горел в нескольких местах. Ветер усиливался, пожар быстро разрастался, отдельные очаги его соединялись, и зловещие клубы дыма становились все громаднее и уродливее, закрывая собой почти полнеба.

Гурька подумал о матери, которая должна к этому времени вернуться с завода, и закричал:

– Мама! Мамочка!

Наконец немцы улетели. Оставшиеся на переправе горожане сшибали замки у лодок, садились в них и направлялись на правый берег.

Ребята бросились к отчаливавшей лодке. Их не пускали, так как лодка была полна. Гурька все-таки сумел прыгнуть на нос.

Николай остался на левом берегу. Гурька сразу забыл о нем. Как и все, кто сидел с ним в лодке, он смотрел на горящий город и злился на хозяина лодки, который предусмотрительно унес весла, оставив только одно кормовое. С одним не очень-то скоро переплывешь широкую и быструю реку.

Наконец лодка ткнулась в правый берег.

Гурька стрелой влетел по крутому откосу в улицу. Он несея мимо горящих домов, вьюном проскальзывал в толпе, перерезал у самого радиатора автомашин дорогу...

А вот и дом.

Но деревянного одноэтажного домика с крышей из серой черепицы не было. На него упала кирпичная стена стоявшего рядом четырехэтажного здания, проломила крышу и потолок, и Гурька увидел нечто, отдаленно напоминающее то, что до сих пор он считал своим домом. Стены расползлись и походили на игрушечную клеть, сделанную из спичек, которую неосторожно задели и чуть не развалили совсем. На оголенной стене болталось на вешалке мамино пальто.

Около соседних домов сустились люди, тушили пожар, таскали куда-то вещи, плакали, проклинали немцев, а Гурька стоял один у развалин своего дома и не знал, что делать. На него никто не обращал внимания. Потом он стал спрашивать о матери. Нет, Анну Ивановну никто не видел. Может быть, она еще не вернулась с завода?

Гурька сел на землю и горько заплакал.

4

Мать не вернулась с работы ни в тот, ни на следующий день. Ее откопали из развалин на третий день после бомбежки и похоронили вместе с другими.

Гурька остался один. Родных в городе у него никого не было, и его приютила соседка, домик которой уцелел. Звали ее тётя Катя. Она работала в том же цехе, где и Мать. Детей у нее было трое: Маруся, Горка и Тоня – все меньше Гурьки. Мужа у тети Кати убили еще в самом начале войны. С тремя детьми ей жилось куда трудней, чем Анне Ивановне с одним Гурькой. Да что же делать? Тетя Катя была подругой Анны Ивановны. Пожалела Гурьку-сироту.

Гурька и сам понимал, что обременяет тетю Катю, и думал пойти работать на завод. Авось найдется и для него какое-либо дело. Ремесленники не старше его, а ничего – работают. Война забрала всех взрослых рабочих на фронт. Снаряды делать нужно – возьмут и мальчишку.

Гурька вспомнил, как в прошлом году летом он ездил вместе со школой помогать колхозникам убирать урожай. В колхозе тоже остались дряхлые старики, женщины да девчонки. Дочь хозяйки, у которой он жил, пятнадцатилетняя Дуняшка, работала трактористом в МТС. Она и трактор-то не могла сама заводить. Заведут ей, она и выедет в поле. Умается, за день, а работа еще не окончена. Переведет мотор на малые обороты, чтобы совсем не останавливать, ляжет под трактор и уснет. Увидит бригадир – она скажет, что чинила в машине что-нибудь да вот только сейчас задремала.

Ну, Гурька у станка не уснет! Если бы не малые годы да не отец с матерью, которые хотели, чтобы он учился и кончил семилетку, он давно бы поступил в ремесленное училище или прямо на завод, в ученики. Плохо ли, например, быть токарем? Отец вон токарем работал, зарабатывал хорошо, и уважением пользовался: любую вещь на своем станке мог выточить.

А от отца давно не было никаких вестей. Гурь-ка уже и на почте сказал, чтобы письма носили по новому, тети Катиному адресу. Тетя Катя написала Василию Михайловичу и про гибель Анны Ивановны (сам Гурька никак не мог писать об этом) и о том, что его сын сейчас живет с ней и очень ждет, когда отец приедет на побывку.

Пришла как-то тетя Катя с работы, а с ней молодой человек. Посмотрел он на Гурьку и спросил:

– Это ты Гурьян Захаров?

– Я.

– Я из райкома комсомола. Костюков моя фамилия. Здорово!

– Здравствуйте!

Костюков сел возле стола, положил ногу на ногу, вздохнул и спросил:

– Как жить думаешь, товарищ Захаров?

– На завод пойду.

Костюков посмотрел на Гурьку оценивающим взглядом, потом сказал:

– Хорошо. На заводе люди нужны. Можно и на завод. А учиться хочешь?

– Это в ремесленном, что ли?

– Нет, брат, не угадал. Мы для тебя поинтересней найдем место, где ты сможешь учиться.

– Поинтересней?

– Да. В школу юнгов хочешь? – А что это такое?

– Юнги? Это будущие моряки. Они тоже, как ремесленники, сначала учатся в школе, морской специальностью овладевают, а потом идут служить в Военно-Морской Флот. Моряками, значит.

По морям, по волнам,

Нынче здесь, завтра там...

Гурька воскликнул:

– Хочу, товарищ Костюков! А где есть такая школа?

– А ты знаешь, где находится часть, в которой служит твой отец?

– Полевая почта номер 42 765.

– Ну, а где эта самая полевая почта? То-то!

Военная тайна. Школа юнгов тоже военная. Где она находится, узнаешь, когда приедешь на место.

Она ведь тоже – полевая почта. Значит, согласен?

– Согласен! Ну, как же! Очень даже согласен, товарищ Костюков!

– Правильно!

Но тут Гурька вспомнил об отце.

– А если папа приедет?

– Когда он приедет, еще неизвестно, – вмешалась в разговор тетя Катя. – А если и приедет, тебя все равно с собой не возьмет. Опять же один останешься.

– Отцу мы напишем, – сказал Костюков. —

Он и тебе и нам спасибо скажет. Встретишься с ним, да каким встретишься! Моряком!

5

Гурька оформлял документы, проходил осмотр в военно-медицинской комиссии.

Ему очень хотелось повидаться с Николаем, рассказать о своем решении поехать учиться в школу юнгов. И он сделал бы это немедленно, да боялся выдать военную тайну.

Костюков, правда, ничего не сказал ему, можно ли говорить товарищам, что он, Гурька, едет в школу юнгов. Но раз место, где она находится, является военной тайной, то, может быть, вообще не следует ни с кем говорить об этом?

Уедет Гурька, и будет присылать Николаю письма, обратный адрес – полевая почта номер такой-то» Николай не будет знать, что и подумать. Скорее всего решит, что Гурька уехал к отцу на фронт. Писать в письмах о месте и подробностях службы не полагается. А Гурьку так и подмывало сходить к Николаю и поделиться с ним своей новостью. Когда его отправят в школу юнгов, в райкоме не говорили. Может, завтра же придется уезжать. Должен же он повидаться с другом перед отъездом. Кроме того, они с Николаем конструировали проекционный фонарь.

Вместе с различным домашним скarbом, который удалось извлечь из-под развалин, Гурька собрал кое-что из своего имущества. Часть этого имущества была добыта, совместно с Николаем. Надо вернуть Николаю то, что принадлежало ему по праву, да заодно и все остальное подарить: все равно теперь Гурьке оно ни к чему.

Тетя Катя была на заводе. Дома остались только Гурька и первоклассник Горка.

Гурька принес из коридора свой ящик, уселся около него на полу и стал перебирать железки, втулочки, шарниры, кусочки жести.

Он сидел перед ящиком, выкладывал из него вещи на пол, предварительно осмотрев каждую из них, и снова вспоминал свой дом, мать, отца...

Вот лобзик. Отец купил его перед самой войной.

Как же это было?

...Отец пришел с работы и принес газету с таблицей выигрышного займа.

Он пошутил, обращаясь к матери:

– Ну, Аня, заказывай, что тебе купить?

– А ты не загадывай прежде времени, – сказала мать. – Выиграй сначала.

– Должен выиграть, желание у меня есть сегодня такое, – не переставал шутить отец.

Гурька, вертясь около стола, спросил:

– А мне, папа, купишь?

– Подожди. Вперед старших не суйся. А что тебе надо?

– Мне лобзик надо. Я рамки к портретам буду выпиливать.

– Лобзик? Дело хорошее. А ну, посмотрим на твое счастье...

И в самом деле, одна облигация выиграла двести пятьдесят рублей. Они тут же сходили с отцом в сберкасса, получили деньги, а потом зашли в магазин и купили лобзик и пилочки.

Гурька выпилил лобзиком несколько рамок и вставил в них фотографии.

Теперь с лобзиком надо прощаться. Не везти же его с собой. На военной службе с ним некогда будет возиться. И занятие это там было бы неподходящее. К тому же не было пилки. Купленные отцом полопались, а новых достать негде. Война. Пусть Николай пользуется Гурькиной добротой. Он ведь не едет в школу юнгов, и моряком ему не быть.

А вот этот будильник Гурька выпросил у матери, чтобы починить. Он испортился и долго стоял в буфете без дела. Отец и без будильника привык вставать на работу вовремя. Он все собирался унести его в мастерскую, но так и не собрался. А Гурька подойдет к буфету, возьмет будильник, тряхнет, и внутри затикают невидимые колесики. А через полчаса он опять останавливался. «Не может быть, – думал Гурька, – чтобы в нем произошла такая порча, что ее нельзя самому исправить».

Мать разрешила ему почистить будильник. Может, и не разрешила бы, да перед этим Гурька ловко починил примус и доказал, что в технике он кое-что понимает. Почистил Гурька будильник, а он вообще перестал ходить: сломалась пружина и погнулся маятник. Оценив Гурькину работу, отец сказал, что после нее отдавать будильник в мастерскую не стоит, дешевле обойдется новый купить.

...Гурька перекладывал одну вещь за другой, и на душе у него было очень грустно. И учиться в школе юнгов хочется, и расставаться с прошлым тяжело... Это было прощание не только с вещами,

которые дороги Гурьке, а со всем – с городом, где он родился и прожил четырнадцать лет, с друзьями, с детством.

Гурька открыл коробочку. В ней лежала линза, раздобытая Николаем для проекционного фонаря. Всего таких линз требовалось две. Николай говорил, что знает, где можно купить вторую. Не успели...

Все оставалось Николаю: и старые, почерневшие, затупленные о железо ножницы, и кусочки белой жести, и пара подшипников от самоката, и панель от радиоприемника. Все он отдаст другу, чтобы помнил о нем, Гурьке.

6

Алевтина Сергеевна Лизунова, женщина болезненная, не терпела какого-либо шума в доме. А Николай и Гурька любили повозиться, помастерить что-нибудь. Поэтому они встречались у Захаровых или на улице.

У Лизуновых Гурька бывал редко. А если требовалось срочно встретиться с товарищем, он вызывал его каким-либо условным сигналом: свистнет или комочком земли бросит в окно. Алевтины Сергеевны он почему-то боялся и не любил ее.

Гурька сложил все обратно в ящик, сунул Горке ручку от радиоприемника, чтобы не остался в обиде, и отправился к товарищу.

Николай оказался дома один.

Сделав знак, чтобы Николай подождал минутку, Гурька сходил за оставленным в коридоре ящиком и, протянув его Николаю, сказал:

– Возьми.

– Что случилось? Тетя Катя не позволяет
держаться у нее?

И тут Гурька подумал, что не смог бы объяснить товарищу свое решение оставить ему ящик, не выдавая военной тайны. Но тот своим вопросом подсказал ему выход.

– Да, понимаешь, бранится... И не так, чтобы очень бранится, а ребятишки у нее. Еще растащат.

– А я куда дену ящик? Увидит мама, скажет, чтобы сейчас же выбросил. Ты ведь знаешь, какая она у меня. Пальцы, скажет, порежешь, играть на скрипке не сможешь...

– Спрячь где-нибудь.

– Где?

Николай задумался, потом просветлел лицом и, подняв кверху палец, воскликнул:

– Эврика! Я его спрячу...

Он взял ящик и вышел куда-то. Вернувшись, спросил:

– А как же проекционный фонарь? Где мы будем делать его?

Гурьке снова пришлось вывертываться.

– Поживем, увидим... Что-нибудь придумаем.

– От отца ничего не слышно?

– Нет.

Помолчали. И вдруг, совершенно неожиданно для самого себя, Гурька сказал:

– А я в школу юнгов уеду.

Сказал помимо воли, хотел бы вернуть свои слова обратно, но уже поздно.

Николай вытаращил глаза.

– Куда, куда? В какую школу? – Юнгов.

– Таких школ и нет вовсе.

– Есть!

– Да нет же!

– А я говорю, есть!

– Ну, а где эта школа?

– Военная тайна.

Николай засмеялся.

– Хо!... Военная тайна! Скажет тоже! Да знаешь ли ты, кто такой юнга?

– Знаю.

– А ну, скажи.

– Юнги – это моряки, которые на кораблях

плавают.

Николай сказал серьезно:

– Верно. Про юнгов я читал. Но юнги давно, еще до революции были. Тогда, по-моему, юнгов ни в каких школах не учили. Просто на корабль брали мальчика и называли его юнгой. А где ты узнал, что есть такая школа?

Гурька рассказал и про Костюкова, и про военно-медицинскую комиссию. Осматривали его именно военные врачи, а не гражданские. Гурька даже постарался обрисовать, какие это были врачи, как они выглядели внешне.

– Один такой, старый уже. Усы. Дока, видать. Покажи, говорит, Захаров, язык. Я ему язык вывернул, а он заглянул в рот, потом тут постукал, там послушал... Хорош, говорит. А другой, помоложе, в очках. Руки у него вот такие; как у тебя» Пальцы длинные и холодные-холодные!

Посадил меня на табуретку, велел положить ногу на ногу. Потом вот как по этому месту молоточком стукнет! Я – дрыг ногой! Но ничего, не сильно. Годен, значит, и по ногам.

7

В тот же день у Лизуновых был скандал. Николай заявил отцу и матери, что он непременно хочет ехать вместе с Гурькой Захаровым в школу юнгов.

Алевтина Сергеевна поначалу хотела просто отмахнуться от сына, но, когда он попросил отца позвонить в райком комсомола, помочь поступить в школу юнгов, раскричалась.

Она упрекнула мужа: не занимается воспитанием сына, учителя жалуются й вообще, чем дальше, тем больше Николай отбивается от рук.

Но у Николая тоже был характер, и он иногда умел его показать. Чтобы Гурька один, без него, да поехал в школу юнгов? Нет, это невозможно. Лучше перенести сколько угодно материнских слез, перетерпеть любое наказание. Если отец не поможет ему поступить в школу юнгов, он убежит из дому или сделает что-нибудь с собой. Вид у него при этом был такой решительный, что нельзя было не поверить в непереносное исполнение этой угрозы.

Но Николай напугал только Алевтину Сергеевну. Отец, Кузьма Антонинович, подумал, что Николая следует выпороть, однако, зная характер жены, решил не делать этого. Алевтина Сергеевна могла долго и нудно допекать Николая словами, но ничего другого не терпела и не допускала.

Кузьма Антонинович был занят на большой работе. На Николая у него не хватало времени. А между тем сын действительно все более отбивался от рук. Даже педагоги, которым платили деньги за уроки музыки и рисования, жаловались – плохо он относится к занятиям.

«А к чему все это? – думал Кузьма Антонович^[1]. – Разве меня опекали няни? Жизнь и работа всему научили. В школе юнгов Николай лучше научится ценить то, что сейчас само лезет ему в рот».

Кузьме Антониновичу нелегко было признаться даже самому себе, что во многом он виноват сам и не таким он хотел видеть своего сына. Но не всем же быть академиками, инженерами, врачами. Военные люди, защищающие Родину от врагов, нужны не меньше. А сейчас война. Лучше подготовить воина-патриота, чем сделать из сына истерического баловня, который вообще может кончить плохо.

Николай стоял у окна и плакал. Он зло колотил кулаком по подоконнику и продолжал твердить:

– Все равно уеду! Вот увидите, уеду!

Кузьма Антонинович прикрикнул на него, приказал перестать дергаться и отправиться в свою комнату.

Когда сын вышел, Кузьма Антонинович сказал жене:

– По-моему, пускай едет.

– Что ты, Кузьма!

– А ничего особенного. Не на худое дело парень просится.

– Да ведь война!

– А ты помнишь, Николенька Ростов в «Войне и мире» Толстого таким же вот мальчишкой воевал с французами.

– При чем тут Николенька Ростов? Не понимаю. Война войне рознь. Разве можно сравнивать? У меня свое дитя, а ты говоришь о Николеньке Ростове...

– Николай поучится в военно-морской школе, подрастет, человеком станет... А здесь... Ты больная. Тебе трудно с ним. У меня дел выше головы...

Алевтина Сергеевна долго еще не соглашалась с мужем. Ведь Николай у них один сын, надо обязательно дать ему образование, прежде чем отпускать от себя. Школа юнгов, наверное, находится близко от фронта, и там его могут убить.

– Мы живем далеко от фронта, – сказал Кузьма Антонинович, – но и нас немцы могли убить при налете на город. Кто может сказать, что налет не повторится?

Разговор этот был долгим и серьезным. Но Николай победил. Алевтина Сергеевна уступила уговорам мужа и со слезами бросилась в комнату сына.

8

Группа ребят сидела на скалистом берегу Белого моря в Рабочеостровске и ждала судна, идущего на Соловки.

Гурька и Николай расположились на коричневом валуне и смотрели на море. Небольшие серые волны лениво и монотонно хлюпали о прибрежные камни. По-осеннему хмурое, закрытое вдали туманом море казалось таинственным, полным нового, неизведанного.

Кроме Гурьки и Николая, на берегу сидели пятнадцатилетний крепыш Митя Коробков, смуглолицый Жора Челноков, высокий стройный Ваня Таранин и маленький рыжий Петя Агишин, которого ребята сразу стали звать Петушком.

Пока ехали до Рабочеостровска в поезде, ребята познакомились, и многое узнали друг о друге. Все они, кроме Агишина, были из одного города. У Мити Коробкова родителей не было. До сих пор он рос и воспитывался в детском доме. У Вани Таранина и Жоры Челнокова отцы воевали на фронте, а матери работали.

Петю Агишина милиция подобрала на вокзале. Он убежал от немцев, которые захватили его село в Курской области, и хотел добраться до Омска. Там жила одинокая Петина тетка. Но денег на дорогу у него не хватило. На запрос милиции из Омска ответили, что тетка недавно скончалась. Ехать туда Агишину было незачем. Как раз в это время проходил набор в школу юнгов Северного флота. Пете предложили поехать учиться, и он согласился. Дома, в селе, у него остались мать и сестренка. Отец Агишина до войны служил в Советской Армии пограничником. Но с тех пор как началась война, от него не было никаких вестей.

В дороге ребята не только познакомились, но и подружились. Гурьке особенно понравился спокойный, рассудительный Митя Коробков. Воспитывался Митя в детдоме, который находился в том же районе города, где жил и Гурька. И хотя они учились в разных школах, кое-кто из Гурькиных приятелей бывал на вечерах в Митиной школе, и Коробков знал их.

Николай сблизился с Петей Агишиным. Пока ехали в вагоне, Петушок был у него на иждивении. Алевтина Сергеевна столько набила всего в чемодан Николая, что можно было прокормить, еще человек пять. Николай хотел заставить Петушка носить тяжелый чемодан, но это оказалось явно не по силам маленькому Агишину. Чемодан они носили вдвоем. При этом Петушок надувался и пыхтел. Николай останавливался, отталкивал Петушка, взваливал тяжелую ношу на плечо и нес один.

...Из небольшого домика морского начальника в Рабочеостровске вышел сопровождавший ребят боцман Язьков. Он ходил справиться, не слышно ли чего-либо о судне, на котором можно попасть на Соловки.

Когда Язьков подошел к ребятам, Николай спросил:

– Товарищ боцман, сколько отсюда до Соловков километров?

– Сколько километров – не знаю, а миль

тридцать будет.

– Миль? – переспросил Николай.

– Ну да, миль. В миле одна тысяча восемьсот пятьдесят два метра. Арифметику знаешь? Вот и подсчитай, сколько в тридцати милях километров. А о километрах лучше теперь забыть. Привыкайте мерять расстояние на мили и кабельтовые. Кабельтов – десятая часть мили. Значит, в кабельтовом сколько метров?

Николай подсчитал:

– Одну тысячу восемьсот пятьдесят два метра разделить на десять, будет сто восемьдесят пять и две десятых метра.

– Правильно.

Петушок спросил:

– А до Соловков мы сколько часов проедем?

– Хватит, отъездили, – отрезал боцман. —

Ездят на лошадях, машинах, поездах. А на кораблях ходят и плавают. Запомните, Агишин, ходят! Так вот, если на катере, то пройдем часа четыре. Ясно?

– Ясно, товарищ боцман!

Гурька хотел сосчитать в уме, сколько от Рабочеостровска до Соловков километров, но сбился и теперь старался только запомнить число метров в миле и кабельтовом. «Одна тысяча восемьсот пятьдесят два метра. Сто восемьдесят пять и две десятых метра», – повторял он про себя до тех пор, пока не решил, что цифры достаточно прочно закрепились в памяти.

Боцман сказал:

– А посуда, товарищи, будет.

Жора спросил:

– Какая посуда?

Боцман засмеялся:

– Посуда? Ну, небольшое судно, значит.

– Лодка, например, – поспешил уточнить

Николай.

– Лодок на флоте нет, – сказал боцман. —

Опять же говорю, отвыкайте от сухопутных терминов. На Военно-Морском Флоте есть лодки, но подводные. Слыхали? Это настоящие боевые корабли. А вместо лодок, как вы их понимаете, у нас есть шлюпки, боты, ялики, тузики... Запомнили?

Ребята хором ответили:

– Запомнили! Ялики! Тузики!

В школе Гурька знал единственное морское слово «полундра». Его выкрикивал кто-нибудь из ребят, дежуривших у дверей, когда в коридоре появлялся учитель.

Теперь Гурька знал, что золотая полоска, нашитая поперек боцманского погона, называется галуном. Галун нашивается на рукава шинелей и кителей морских офицеров. По размеру и количеству нашитых из галуна полосок на рукаве можно определить звание и ранг офицера плавающего состава.

Боцман не скажет «рапорт» или «компас», а обязательно: «рапОрт» и «компАс». Если кто-нибудь из ребят скажет «во флоте», он непременно поправит: «Не во флоте, а на флоте».

Боцман Языков не походил на боцмана из прочитанных книг о морях. В представлении Гурь-ки боцман – старый морской волк. А Языков был, во-первых, вовсе не старый, а лет двадцати трех, и у него не было знаменитых боцманских усов; во-вторых, у него не было и столь же знаменитой боцманской дудки. Гурьке хотелось спросить Языкова, где его дудка, но стеснялся.

Зато боцман по-морскому аккуратен. Пуговицы на кителе горят желтым пламенем. Черная фуражка с белым кантом по краю и длинным козырьком сидит как-то по-особенному, закрывая почти весь лоб. И пистолет у боцмана лежит в особой, морской черной кобуре. У сухопутных военных кобура одевается прямо на ремень и торчит на самом бедре. Кобура боцмана висит на длинных ремешках и болтается почти у самого колена.

Все это придает боцману ни с кем не сравнимый вид.

После замечания боцмана о милях, о хождении на кораблях, ботах и тузиках Гурька подумал:

«Вот это да! Все старое, выходит, долой, забудь, и жить начинай сначала».

Только они добрались до моря, еще сидят на берегу, а уже столько нового! В школе юнгов их будут учить морскому языку. А как же иначе? Если не выучить всех этих словечек, можешь не понять приказания.

– Пойдемте на пирс, – сказал боцман.

Ребята подняли чемоданы на плечи, и пошли за Язьковым вдоль берега.

Николай не терпел, когда товарищи шли медленно. Ему все хотелось побыстрее добежать до места, чтобы сразу же освободиться от тяжелой ноши. Так и сейчас, увидев стоящий у причала катер, он зашпешил к нему. И только хотел поставить ногу на сходни, как резкий голос боцмана остановил его:

– Лизунов! Вы куда?

– На посудину, – ответил Николай, поворачиваясь к боцману покрасневшим от напряжения лицом.

– Отставить! – скомандовал боцман. – Опустите чемодан на землю.

Николай неохотно повиновался и почти возмущенно спросил:

– А почему нельзя на катер? Вы сами сказали поедем... пойдём на катере...

Боцман сказал:

– Запомните раз и навсегда: первым на палубу корабля вступает командир. Если его нет, первым идет старший по званию. Это не пароход. При посадке на пароход все несутся как попало, толкая друг друга. Куда вы понеслись? Команды о посадке не было? Не было.

– Так вы же сами сказали пойдёте...

– На пирс! А может, вообще придется посадку отменить. Вы и будете с берега на катер, а с катера на берег ползать? Подождём командира катера.

Ребята уселись на чемоданы. Боцман достал из кармана кисет и начал свертывать папироску.

Кисет у Язькова тоже особенный – из мягкой коричневой резины. Когда боцман доставал из него табак, кисет растягивался и напоминал грушу, которая затем как-то сама складывалась в пухлую булочку. Упав кисет в воду – не замочит она табак и бумагу.

Вскоре на берегу показались двое гражданских, одетых в высокие резиновые сапоги, теплые брюки и зеленые куртки-«канадки» с «молниями» вместо пуговиц.

Один из них обратился к боцману:

– Вы товарищ Язьков?

– Да.

– Садитесь с ребятами на катер. Морской начальник попросил доставить вас на Соловки. Другого судна сегодня, очевидно, не будет.

Боцман смущенно посмотрел на говорившего.

– А чей это катер?

– Наш, колхозный. Давайте познакомимся.

Председатель колхоза «Полярный» Михайлов.

– Боцман Язьков.

– А это наш колхозник, моторист товарищ

Катков.

Боцман был смущен. Занявшись с ребятами, он не обратил внимания, что на катере вместо военно-морского флага висел обыкновенный красный флажок. Но Язьков не из тех, кто теряет в любую минуту. И хотя по выражению ребячьих лиц он понял, что его слова насчет того, кто должен первым вступать на палубу, они сейчас считают неуместными, все же скомандовал веселым, звонким голосом:

– Станови-ись!

Ребята построились, снова подняли чемоданы. Михайлов и Катков были уже на катере. Боцман первым вступил на трап.

За ним последовали ребята.

9

Михайлов и боцман ушли в рубку. Ребята расположились на палубе. Гурька и Николай сели около люка, из которого сразу потянуло теплом от работающего мотора.

Катер шел, рассекая волны, и кемский берег, удаляясь, постепенно тонул за туманной полоской горизонта. Скоро берег исчез, вокруг ничего не видно, кроме колеблющейся громады воды.

Море дышало, поднималось огромными пологими волнами. Небольшой катер на них казался удивительно легким. И всякий раз, когда волна поднимала судно, Гурька всем телом ощущал страшную силу моря.

Море играло с катером, качало его на своих глянцевитых ладонях. Казалось, это оно, а не мотор двигает катер вперед, передавая его с одной ладони-волны на другую.

Море пугало. Хмурое, бескрайнее, оно гневно дыбило серо-свинцовые волны, не замечая катера – жалкой скорлупки, которая, казалось, целиком находится в его власти.

И Гурькой овладела робость перед грозной стихией. Он казался себе ужасно слабым и ничтожным в сравнении с нею.

Сидевший рядом Николай что-то ел, уставившись светлыми глазами в палубу.

А Гурька почувствовал себя плохо. И почему этот Лизунов все время ест?

Гурька стукнул его по руке, вышиб кусок хлеба.

– Брось, Лизун. Не нажрешься никак.

Николай обиделся.

– А тебе чего надо? Не твое ем.

Гурька отошел к корме. На гребнях волн курчавилась пена, катер подбрасывало так, что Гурьке иногда казалось, словно он отделяется от палубы и она уходит из-под его ног. Волны ударили о борт катера, и брызги летели на палубу. Иная волна, словно не рассчитав прыжка, падала перед самым бортом, рассыпалась косматой гривой и, нарастая снова, скользила вдоль судна с клекотом и урчаньем.

Ребята перебрались на высокую, носовую часть катера.

Из рубки вышел боцман, спросил:

– Что, товарищи, болтает немного?

Ему никто не ответил.

– Ничего, – сказал боцман. – Небольшой свежий ветерок и только. Не больше четырех баллов. Скоро будем на месте.

Гурька стоял на узкой металлической лесенке и держался за поручни.

Волны одна за другой перекатывались через корму, и вода попадала через люк в трюм.

Боцман заметил это и закрыл крышку люка. По палубе он ходил спокойно, словно по твердой земле, и Гурька подумал, что ему придется долго привыкать, чтобы чувствовать себя в море так же уверенно, как чувствовал и вел себя боцман.

У Гурьки нарастал противный приступ тошноты. Он открыл рот и жадно хватал им прохладный сырой воздух.

Михайлов тоже вышел из рубки. Он стал на самом носу катера и делал какие-то распоряжения мотористу. Несмотря на ветер, густой туман плотной пеленой обступил катер, и в десятке метров от него уже ничего не было видно.

Гурьке совсем стало плохо. Он так и не смог справиться с приступом тошноты и повис над бортом.

Боцман стоял рядом и держал его за бока, чтобы не свалился в воду.

– Ничего, ничего, Захаров. Моряк из тебя все-таки получится. Соображаешь? Ну, а если соображаешь, то все остальное пустяки. Редкий человек перенесет первую качку спокойно. Потом пройдет. Привыкнешь. Один-два похода, и все как рукой снимет. Вот твой друг, Лизунов, жует. У некоторых так и проходит. Ты травишь, а его голод одолевает.

Гурька посмотрел на Николая. Тот стоял, прислонившись к рубке, и ел воблу.

10

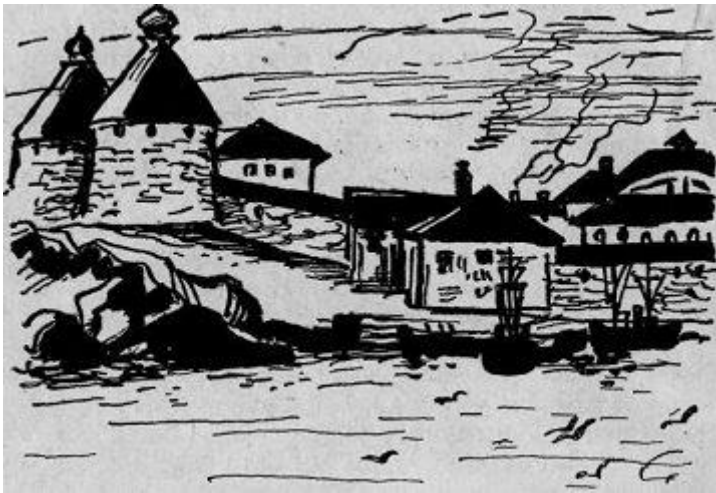
Показались Соловки. Сначала это были отдельные скалистые острова без каких-либо признаков жизни. Потом появился маяк на лесистой, похожей на шишку горе.

– Гора Секирная, – сказал боцман.

Гора постепенно вырастала из воды, все выше поднимая темную башню маяка.

Уже вечерело. Ветер у острова стих, и качка прекратилась.

В сумерках вырисовывался пологий берег с высокими стенами старой крепости, островерхими башнями по углам ее и в середине, с куполами, монастырских соборов, небольшими домиками поселка.

Это было похоже на сказку. Судно входило в бухту, на берегу которой стояла древняя крепость с несколькими рядами амбразур в башнях. Кажется, сейчас блеснут огни выстрелов, и над морем прозвучит раскат приветственного салюта. Глядя на берег, Гурька вспоминал стихи великого поэта:

Пушки с пристани палят,

Кораблю пристать велят.

Катер лихо развернулся и, стукнувшись кормой о стенку причала, остановился, пуская буруны и синеватые клубочки дыма.

Боцман первым выскочил на берег и командовал:

— Станови-ись!

Ребята построились, а потом пошли за боцманом к небольшому каменному зданию, стоявшему неподалеку от крепостной стены.

Боцман сказал, чтобы они подождали его у крыльца, а сам заспешил по широкой крутой лестнице к дверям, над которыми на длинной черной доске золотыми буквами написано:

УЧЕБНЫЙ ОТРЯД СЕВЕРНОГО ФЛОТА

К ребятам подошел матрос. Кареглазый, с ленточками бескозырки на груди, он остановился и, заложив правую руку за борт бушлата, некоторое время рассматривал их. Брюки на матросе были новые, хорошо поглаженные и такой ширины, что полностью закрывали носки ботинок.

Матрос отставил левую ногу в сторону и спросил:

– В школу юнгов, кореши?

– Да, в школу юнгов, – ответил за всех Николай, любясь матросом.

– Через Кемь или Архангельск ехали? —

продолжал матрос.

– Через Кемь! – откликнулось сразу не сколько голосов.

Матрос явно всем нравился.

– Долго там были?

– Нет, недолго.

– Часа два.

Матрос улыбнулся одними карими глазами, но по-прежнему серьезно спросил:

– А в Кеми на клотике чай с мусингами пили?

Ваня Таранин ответил:

– Нет, не пили.

– Вот это зря, – сказал матрос и засмеялся.

Гурька понял, что матрос подтрунивал над ними. Он шагнул к нему и, сжав кулаки, спросил:

– Чего смеешься?

– Тю!... Салага! – воскликнул матрос, засунув обе руки в карманы брюк и выставив вперед живот. – Ха-ха-ха!

Сам салага! – возразили ребята. Они еще не знали, что такое клотик и мусинги, но слышали, что салагами на флоте в насмешку называют самых молодых моряков.

Митя Коробков сказал, становясь рядом с Гурькой:

– Мы еще встретимся. А пока отчаливай!

В это время в дверях штаба учебного отряда появился боцман. Матрос поспешил уйти.

Язьков заметил возбуждение ребят, спросил.

– В чем дело, товарищи?

Митя ответил:

– Да вот прицепился тут один... Интересовался, пили ли мы в Кеми на клотике чай с мусингами.

– Понятно, – сказал боцман. – Сам моря как следует не видел, жизни морской не испытал, а над другими смеется. Что такое клотик? Это наделка на верхнем конце мачты в форме кружка А мусинги – утолщение, сплетенное на тросе. Яблоки такие из волокон троса. Когда матрос лезет по вертикально подвешенному тросу, он опирается ногами об эти мусинги. Для этого они и делаются. Понятно? Матрос старую шутку с вами подшутил, на которую сам, наверное, недавно попался. Молодых первым делом на этом стараются поймать, спрашивают их, пили ли они чай на клотике. Обижаться на это особенно не стоит. Моряки любят педначку. – И, переменив тон, закончил: – Сейчас машина подойдет. Поедем в Савватьево. Там я вас и сдам.

11

Две роты юнгов, которых не вместили здания Соловецкого кремля, дислоцировались в Савватьеве.

Здесь имелось всего два больших здания. До революции это были гостиницы для приезжавших в монастырь богомольцев. Теперь они отводились под классы школы юнгов. В других небольших зданиях разместились различные хозяйственные службы: склады, баня, казарма для хозяйственной команды, гараж, конюшня, портняжная и сапожная мастерские.

Юнги жили в палатках. К зиме они сами должны были построить для себя землянки. Война заставляла мириться со многим. Школа юнгов Северного флота должна быть создана, и командованию ничего другого не оставалось, как сделать тринадцати-пятнадцатилетних мальчиков строителями, заставить их копать землю, валить лес и таскать его на маленьких ребячьих плечах. У школы имелась всего одна грузовая машина – полупорт и лошадь, которые использовались для ежедневной подвозки из кремля хлеба, кирпича для кладки в землянках печей и на прочих хозяйственных работах.

Гурьке и его товарищам предложили учиться на мотористов, потому что все они окончили по шесть классов. С семью классами принимали в смены ^[2] радистов, а с четырьмя и пятью – в смены боцманов.

Гурька снял гражданскую одежду, сложил ее в чемодан и сдал на склад. Теперь он ходил в бескозырке, серой полотняной рубашке, таких же брюках и черных яловых ботинках.

Землянки строили на берегу озера. Каждая смена строила для себя отдельную землянку.

Песчаный грунт хорошо поддавался лопате, но в нем встречалось много толстых корней деревьев. Выкорчевывать корни было делом нелегким. Еще утомительней – возня с камнями: в почве их тоже немало.

– Вот это боров! – воскликнул Митя Коробков, осматривая новый большой валун.

– Ничего себе картофелина, – пошутил Жора Челноков. – Одной на всю роту хватит.

Митя распорядился:

– Зовите ребят на помощь.

Петушок закричал тоненьким голоском:

– Эй! Юнги! Юнги второй смены! Сюда!

– Сюда! – поддержал его Ваня Таранин и замахал над головой бескозыркой.

Когда вокруг камня собралось человек пятнадцать, Митя спросил, обращаясь ко всем:

– Вытащим?

– Как? – спросил Николай.

– На край котлована положим толстые доски, вкатим на них камень, а потом будем передвигать его вверх.

– А если сорвется? – усомнился Николай.

– А если, если, – передразнил его Жора. —

Если бы да кабы не росли бы в лесу грибы. Давайте, ребята, возьмемся.

Притащили доски, сделали из них сходни. Потом навалились на камень. Каждый уперся только одной рукой, потому что всем хотелось принять участие в извлечении камня из котлована, но он был не так уж велик, чтобы за него могли взяться сразу пятнадцать человек.

Но камень не поддавался.

– Постойте! – крикнул Гурька. – Так у нас ничего не выйдет. – А ну, Петушок, тащи вон ту

слегу. А ты, Жора, помоги мне подложить вот эту плаху сюда, под камень. Устроим рычаг первого рода. Как сказал старик... Как звали старика, ребята? Кажется, Архимед... Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар. А мы перевернем камень. Раз, два, взяли.

Юнги навалились на слегу, висли на ней, и камень поддался. Повернувшись на другой бок, он тяжело лег на доски. Потом обвязали его тросом и стали тащить по доскам. Юнги, стоявшие на сходнях, подталкивали камень слегой и руками.

Когда устали, подложили под камень плаху, чтобы не съехал обратно, и сели отдыхать.

Таранин сказал Челнокову:

– Жора, ты силен в математике. Реши задачу.

– Какую?

– А вот: сколько понадобилось бы лошадей, чтобы вытащить эту каменюгу из котлована?

Жора подумал, потом сказал:

– Смотря какая лошадь. Может и одна вы тащить.

– Ну, это уж если какой-нибудь битюг с сельскохозяйственной выставки. Тот сможет. А ты рассчитай на обыкновенных лошадок. Возьми лошадиную силу, как это принято в задачках по физике. Аш – пэ – семьдесят пять килограммометров в минуту.

– Две лошади надо! – крикнул Митя.

– Вот. А нас? – Таранин сосчитал сидящих вокруг юнгов. – С Петушком семнадцать. Семнадцать, деленное на два, дает восемь. Петушка мы откинем, как неделимый остаток. Значит, восемь юнгов, или одна лошадь.

Юнги засмеялись.

– Тоже арифметика с физикой! – обиженно сказал Петушок, силу которого Ваня не принял в расчет.

Гурька воскликнул:

– Петушок обиделся! Давайте сделаем поправку. Половину лошадиной силы прибавим на Петушка.

Потом все снова взялись за лопаты. Николай сказал:

– Ворочай вот тут камни... Землю копай. Всю жизнь только об этом и мечтали.

Он ударил лопатой по толстому корню, она отскочила, как от резины, чуть не стукнув концом ручки Николая по голове. Николай швырнул лопату.

– Солдаты на фронте немало этой земли переворачивают, – примирительно сказал Гурька. – Окопаются, их тогда никакая пуля не берет.

– Так то на фронте. На фронте я эту землю, может, без сахара и сметаны стал бы жрать вместо пирожного. А здесь не хочется.

Николай опустил на землю и, опираясь на локоть левой руки, стал смотреть на шумевшие сосны. Он срывал былинки, клал их в рот и лениво пережевывал.

Жизнь в школе юнгов показалась Николаю с самого начала серой и скучной. Уезжая из дому, он мечтал, что здесь его сразу оденут в красивую морскую форму, будет он служить на корабле. А тут приходится строить землянки, мокнуть под дождем и вместо черных суконных брюк, бушлата с блестящими медными пуговицами и синей шерстяной форменки носить рубаху и брюки из серого грубого полотна – робу.

Впереди предстояла учеба и жизнь в землянке. Что в этом хорошего? Зачем это надо, чтобы он строил землянку, мок под дождем, ворочал камни, копал землю? Чтобы выучиться на моториста? Море рядом. Но его даже и не видно за лесом. И выходит, как был, так и остался ты сухопутным человеком.

Он не заметил, как в котлован спустился командир второй смены старшина первой статьи Цыбенко. Он остановился около Николая, подождал чего-то, потом окликнул:

– Юнга Лизунов!

Николай повернулся к старшине лицом, но на ноги не поднялся. Цыбенко спросил:

– Вы больны, Лизунов? Почему не работаете?

– Я работаю, – ответил Николай, неприязненно посмотрев на командира смены.

– Работаете? А я бачу, що вы сачкуете!

Николай все так же неприязненно и даже вызывающе смотрел на Цыбенко, лежа на боку.

Старшина приказал:

– Встать! С вами говорит командир смены. Надо самому трудиться, а не дывыться, як другие работают. За другими я сам подывлюсь. Берите лопату.

Николай поднялся и взял лопату. Он озорно посмотрел в лицо старшине и спокойно спросил:

– Товарищ старшина первой статьи, а как по– морскому будет лопата?

– Юнга Лизунов! – крикнул Цыбенко так, что голос его стало слышно далеко. – Явитесь ко мне после обеда!

– Есть явиться к вам после обеда! – ответил Николай и, вытянувшись, смешно прижал лопату к боку, точно в руке у него была не лопата, а винтовка.

Цыбенко ушел, а Николай, проводив его все тем же веселым, озорным взглядом, снова уселся на землю.

– И кому хочется, ребята, ишачить, а?

Но его бездельничанье юнгам показалось обидным. Митя посмотрел на него сурово и спросил:

– Ты что, в самом деле собираешься лежать так целый день? Землянку мы строим для кого?

Тебе ее не надо? А ну, берись за лопату, а то возьмем и бросим в озеро!

Николай поднялся.

12

После обеда по распорядку дня мертвый час.

Все, начиная от командира роты старшего лейтенанта Стифеева до дневального смены, следили за тем, чтобы в это время юнги спали. Но юнги – не старики. Не привыкли считать покой в постели за отдых.

Койка Петушка стояла рядом с Гурькиной. Выставив из-под одеяла маленькую рыжую голову, Петушок шепотом рассказывал:

– Озер, ты знаешь, сколько здесь? Много!

А рыбы!... – Петушок схватился за голову и зажмурил глаза. – Тьма! Окуней – страсть сколько! Видел я, один старик рыбачил. Словно кто ему

этих окуней нарочно сажает на удочку. Таскает и таскает... И плотва крупная попадает. Во какая!

Эх, крючок достать бы!.

– Можно самим сделать.

– Из булавки?

– Ну да.

– Я думал об этом. А где булавку взять?

– У меня есть.

– Честное слово?

– Раз говорю, значит, есть.

– А ты знаешь, здесь в каждом озере своя рыба. Клянусь! Ну, окунь же, конечно, но в каждом озере другой. Коли озеро заболочено, со ржавчинкой, окунь темный, мелкий. А если в озере вода светлая – и окунь светлый, покрупнее. Прямо во каких старик ворочал! Интересно, на вкус они какие, разные или одинаковые? А у тебя булавка одна?

Гурька успокоил Петушка:

– Да что мы булавок, что ли, не достанем?

В это время Николай стоял перед командиром смены, который сидел около своей палатки за небольшим столиком, сколоченным из неструганых досок.

Николаю уже надоело стоять перед старшиной по стойке «смирно», и он иногда менял ее на положение «вольно», перенося тяжесть тела на одну ногу. Заметив это, Дыбенко кричал:

– Як стоишь!

Николай нехотя потягивался, косил глазами на прохаживающегося неподалеку дневального.

– Який из тэбэ выйдэ моряк, если ты боишься работы?

– Я работал.

– Отставить пререканье! Я ж говорю тебе, що моряка из тебя не выйдэ. Як есть сачок, так им и будэ. Все работают, а он на сосны дывытся. Что ты там не бачив?

– Я только остановился...

– Тильки? А мабуть, не тильки?

– Ну что вы, товарищ старшина первой статьи!

– Отставить разговорчики! А потом, что за вопрос: «Як называется по-морскому лопата?» Я вам кто? Кто я вам, юнга Лизунов?

– Командир смены. Так все слова-то какие?

Салага, сачок... Может, и лопата...

– Отставить, кажу!

– А чего вы на меня кричите?

– Я не кричу, а разговляю с вами. Ясно?

Хотел ограничиться одним внеочередным нарядом, да бачу, вам цего будэ мало. Ну, это мы потом решим. Придется доложить командиру роты. Идите.

Николай повернулся кругом, но старшина скомандовал:

– Отставить! Кру-гом!

Так он заставил его повернуться три раза, пока Николай не выполнил поворота четко.

13

Вскоре Николаю пришлось отправиться выполнять два внеочередных наряда. Его послали в столовую, которую называли камбузом.

На небольшой поляне стояло несколько длинных столов, сколоченных из досок. Над столами был сделан навес, он разохся, и случалось, что в ненастную погоду через щели в бачки и миски обедавших юнгов лил дождь.

Дежурные по камбузу юнги чистили картошку, разделявали треску, мыли столы и посуду, лопатили пол, возили из озер в бочке воду, пилили и кололи дрова.

Николаю порой хотелось сейчас же отправиться на фронт, переносить там все трудности боевой жизни, может быть, героически погибнуть от вражеской пули или снаряда – только бы не копать землю, не пилить дрова на этом скучном острове.

Вместе с Николаем дрова для камбуза пилили рыжий Петушок и Борис Лупало – самый высокий юнга в роте.

Широкий в плечах, кривоногий, с большим, красноватым от постоянного насморка носом, Лупало выглядел уже совсем взрослым парнем.

– Вот что, – сказал Лупало, усаживаясь на чурбан и доставая из кармана небрежно скомканный клочок газеты. – Есть предложение познакомиться с географией данного острова и его природными условиями.

– На экскурсию, что ли, сходить? – спросил Петушок, наблюдая, как Лупало свертывал папироску. – Ты внеси предложение на ротном собрании.

Лупало послунывил газету, сунул папироску в рот, прикурил и, пуская дым через нос, сказал:

– С ротой никакой путной экскурсии получиться не может. А вот если мы втроем... Колоть дрова найдется дураков и без нас. А нам надо смыться и посмотреть, что произрастает в лесу и какая в нем водится дичь. Изучить флору и фауну.

– А если влетит? – спросил Николай.

Петушок и Гурька сделали удочки и собирались в ближайший выходной рыбачить. Петушок не дождался воскресенья, и Цыбенко нашел его на берегу озера в то время, когда все другие работали. Вот и получили по наряду.

– Еще судить будут, – сказал Петушок.

Лупало переспросил:

– Нас, юнгов, судить? Ну, этого не может быть. Мы еще годами не вышли. Нас должны воспитывать, а не судить. А если и влетит, то просто нас вернут к работе, которую мы сейчас временно оставим. К вечерней поверке вернемся.

После некоторого раздумья Николай и Петушок приняли предложение Лупало. Они захватили с камбуза два бачка для грибов и ягод, горсть соли и немного хлеба.

Лес был рядом. Ребята углубились в него и обошли лагерь стороной.

Николай и Петушок набросились на красную бруснику, ели ее горстями, а когда первая охота была утолена, стали собирать в бачок.

Лупало решил сварить грибовницу и собирал белые грибы.

Юнги вышли к большому озеру и на берегу увидели старичка. Он сидел на гряде камней, подняв кверху длинную седую бороду. Одну руку старик положил на колено, другой опирался на палку. У его ног лежали удочки. Он смотрел в небо и не замечал ребят.

Петушок сразу узнал в нем того самого старика, с которым он уже встречался.

– Дедушка! – окликнул он старичка.

Старик повернул в сторону ребят бороду и посмотрел на них с улыбкой.

– Вы откуда, дедушка? – спросил Николай.

– Из колхозу.

– А что вы делаете здесь? – спросил Лупало.

Его заинтересовали узкие коридорчики, сделанные из камней вокруг центральной груды, на которой сидел старичок.

– А ничего, сынок. Сижу.

– Камнями играли, что ли? – снова спросил Лупало. Старик засмеялся, показав пустой, без единого зуба рот.

– Кабы в твои годы, может, и поиграл бы.

А теперь самому себя таскать тяжело. Да знаешь ли ты, что это такое?

– Откуда мне знать? Вы скажите.

– А ты посмотри, сынок, посмотри получше.

Юнги принялись рассматривать камни. Одни из них были высотой по колено, другие меньше. Камни влежались в землю и кое-где обросли мохом. Значит, положили их здесь давно.

– Ну? Поняли что-нибудь?

– Ничего не поняли, – ответил Николай. —

Видим, что камни тут лежат давно.

– Вот то-то и оно – давно. Так давно, что никто не знает, когда их положили. Вавилонами в народе эти кладки зовут.

– А что такое вавилон? – спросил Петушок.

– Хочешь испытать?

Петушок поколебался немного, потом ответил:

– Хочу. А как испытать?

– А ну, иди вон туда...

Старик показал на край вавилона, где первый коридорчик раздваивался на два хода. Когда Петушок встал в указанном месте, старичок сказал:

– Вот перед тобой два входа в вавилон. Каждый из них ведет ко мне. Только чур, через камни одного ряда в другой не перешагивать и идти до конца, а обратно не возвращаться. Которым ходом пойдешь?

Петушок пошел влево. Он долго ходил между камнями, то приближаясь к центру, где, все так же посмеиваясь, сидел старичок, то удаляясь от него.

Николай решил тоже пройти по вавилону, пошел через правый вход и очень скоро оказался около старичка. А Петушок все еще кружился по стежке между камнями. Но, наконец, и он добрался до центра.

– А теперь оба выходите, – сказал старичок. – Нет, ты следуй дальше, а ты иди своим путем.

Юнги поняли, что это был выложенный из камней лабиринт. Им захотелось разгадать его до конца. Николай и Петушок пошли обратно. Петушок быстро побежал между камней. Он надеялся, что выход будет скоро. Но почему-то он снова попал на длинный путь. На этом же пути потом оказался и Николай.

Старичок сидел и весело смеялся, вздрагивая всем худеньким телом и покачивая головой.

Петушок и Николай устали, пока через левый выход не вышли из лабиринта.

Старичок сказал:

– Смотрите.

Он легко пошел по коридорчику, обошел два раза центральную кучу и сразу оказался у правого выхода.

– Видали вавилон?

– Это лабиринт, – сказал Николай. – Игра есть такая.

– Какой такой ла...лабаринт? – сердито спросил старичок. – Говорят тебе, вавилон^[3]! Нашел игру!...

Лупало позвал:

– Пошли, кореши.

Юнги оставили старичка, спустились к озеру, чтобы сварить грибовницу.

14

Кое-где в землянках уже настилали полы, клали печи, сооружали крыши, прикрывая их сверху дерном.

Хозяйственная команда матросов неподалеку от лагеря заканчивала строительство большой столовой.

А перед ротами юнгов уже стояла новая задача: заготовить на зиму топливо. От каждой смены выделялась группа юнгов. Старшим в одной из них был Гурька Захаров.

Он работал вторую неделю. На руках набил мозоли. К середине дня начинала болеть спина, и когда после отбоя ложился, засыпал мгновенно.

Пошли дожди. Северные лохматые тучи застилали небо. Воздух в лесу постоянно сырой. Когда дождь усиливался, юнги укрывались под деревьями. Но ветви были полны крупных капель, которые, тупо ударяясь о бескозырки и плечи, попадали за воротник, вызывая во всем теле неудержимую дрожь.

Иногда Гурькой овладевала тоска по родному городу, где много разного народа и хоть изредка можно сходить в кино. Здесь, на острове, пожалуй, тяжелее всего казалась оторванность от Большой земли. Здесь не было ни войны, ни мира. О войне юнгам рассказывали офицеры, и это поддерживало ребят, позволяло им сравняться в чувствах с бойцами фронта, которым тоже очень трудно.

Тосковал Гурька по отцу. Писем от него так и не было. Как-то он там, в госпитале? Выздоровеет ли? Увидятся ли они?

А разве его не тянуло побродить по лесу? Теперь у него была удочка, и в прошлое воскресенье он ходил на рыбалку. За какой-нибудь час он наловил много окуней, из них получилась прекрасная уха. При таком клеве он готов ходить на рыбалку каждый день. Все дни не уходил бы с озера. Хотелось пойти в лес, играть там на мягком, как перина, мху.

Но Гурька теперь собирал ягоды только во время короткого отдыха вблизи делянки, на которой заготавливались дрова. А лес манил, звал идти дальше!

Лизунов часто уходил с Петушком в лес или на озеро и бродил там целыми днями.

Однажды они появились на делянке. Петушок полной горстью брал из бачка ягоды и отправлял в рот. Он выпячивал живот и ходил вразвалку, увешанный кистями черемухи и рябины. Вид у него был такой, что сразу можно догадаться: ничего-то он не боится, все ему нипочем.

Николай подошел к Гурьке и протянул ему ветку рябины. Гурька отщипнул несколько ягод, спросил:

– Цыбенко не боишься?

– А чего его бояться? Не съест. Судить нас

все равно не будут. Года у нас маленькие.

Гурька посмотрел на высокого, кривоногого Лупало, и тот, как бы отвечая на этот взгляд, сказал, растягивая слова:

– Судить не будут. Мы – юнги. Присяги мы

не принимали. И вообще, дети. Ха-ха-ха! Понятно?

Лупало смеялся густым басовитым смехом.

Тонко и залиvisto, закинув назад голову и еще больше выпятив живот, ему подпевал Петушок:

– Хи-хи-хи!

Юнги молча смотрели на хохочущего Лупало и заливавшегося в неудержимом смехе Петушка.

Гурька заметил, что его одного угостили ягодами, и ему почему-то стало стыдно. Он повертел в руках ветку с пламенеющими ягодами рябины, швырнул ее на землю и сказал:

– Мы тут работаем, а вы ягодки собираете?

Что мы – ишаки за вас батрачить?

– А вы не батрачьте, – сказал Лупало. —

Работайте, но сочетайте полезное с приятным. Надо же отдохнуть, местным краеведением заняться. Ха-ха-ха!

– На фронте так говорят?

– Так то на фронте, – сказал Николай. —

Здесь не фронт. Зачем нас привезли сюда?

Гурька усмехнулся:

– Ягодки собирать.

Лупало бросил в широко открытый рот горсть ягод и, подойдя вплотную к Гурьке, вызывающе спросил:

– А ты что тут за начальник выискался? Выслуживаешься? Все равно в адмиралы не попадешь! На фронте!... Стучи топором, если тебя тут

вместо дятла поставили, а в чужие дела не суйся.

– А ты чего привязываешься? – возразил Гурька Лупало, меряя его взглядом. – Думаешь, напугаешь?

Николай примирительно сказал:

– Ладно! Чего ты в самом деле? Не хочешь ходить в лес – не ходи. Никто тебя силой не тянет.

– Ну и уходите отсюда!

– А мы отдохнуть тут желаем, – сказал Лу пало и уселся на ствол поваленной сосны. – Попробуй, прогони. Ха-ха-ха!

– Тебе еще влетит, – сказал Гурька Николаю. – Вот подожди, увидишь, как влетит. Выгонят из школы и правильно сделают.

– Выгонят, выгонят!... Посмотрим еще...

– Да на фронте тебя расстреляли бы как дезертира и предателя.

– Но-но – поднялся Лупало. – Поосторожней! Расстреляли бы!... А если будешь капать...

Подскочивший к Гурьке Петушок зашептал:

– Брось, Гурька. Не связывайся. Изобьет.

– Пускай попробует, – ответил Гурька и стал заколачивать в плаху клин.

15

Ваня Таранин был спокойный и несколько замкнутый мальчик. Он отличался большой аккуратностью. Рабочая форма на нем всегда была чистой: умел беречь обмундирование и любовно ухаживать за ним. Все юнги складывали обмундирование на ночь, как учил их командир смены. Но никто не умел этого делать лучше Таранина, как никто не умел лучше его заправить постель.

Командир роты старший лейтенант Стифеев после обхода палаток в числе лучших коек всегда называл койку Ивана Таранина. За образцовую опрятность и аккуратность он объявил Таранину благодарность перед строем.

Но рабочая форма – это все-таки рабочая форма. Если брюки немного широки в поясе, то этот недостаток устраняется при помощи брезентового брючного ремня. Он прочно закрепляет их.

Полотняная рубашка тоже иногда оказывалась великоватой. Но морской ремень с бляхой помогал навести порядок и здесь.

Другое дело – выходная форма: черные суконные брюки, синяя шерстяная форменка с воротничком. Если командование мирилось с недостатками в подгонке и этой формы одежды, то юнги никак не могли согласиться с тем, чтобы на них что-нибудь сидело не так, как положено.

Бушлат длинен и мешковат. Брюки внизу узки. Воротничок и тельняшка бьют в глаза свежестью – их хозяин совсем еще молодой моряк и ничего не испытал в морской жизни.

У моряков есть свои славные традиции, благодаря которым они снискали себе известность людей неустрашимых, привыкших бороться со стихией, стойких в бою, крепких в дружбе. И как только молодой человек оденет морскую форму, так все эти качества он считает неотъемлемой частью своей натуры. Так уже повелось. И поэтому форма для моряка – далеко не последнее во всей его жизни дело. Каждая деталь его формы – овеянный романтикой символ. Бескозырка с ленточками! Это же не фуражка или какая-то там шляпа. Муаровая с черными полосками гвардейская

ленточка! Это слава, доблесть, геройство! А что написано на этой ленточке? Когда-то, очень давно, уходя в море, матросы писали на ленточке имя своей любимой. Теперь по надписи на ленточке можно определить, к какому именно отряду моряков принадлежит хозяин бескозырки.

А воротничок! Три скромные белые полосы на синем поле. Некоторые думают, что синий цвет воротничка и белые полосы на нем просто обозначают море и что-то вроде волн или пены. Пусть же знают несведущие люди: дело не просто в море. Три белые полосы – это символ трех великих побед русского флота под Чесмой, Синопом и Гангутом!

Тельняшка! Тоже символ! Символ морской души, всего лучшего, что заложено в ней. Моряк идет воевать на сушу, расстается с родным кораблем, с бушлатом и даже бескозыркой. Надевает на себя брюки, шинель, гимнастерку и металлический шлем сухопутного солдата. Но тельняшку он никогда не снимает.

Форменка, бушлат, брюки – все сидит на моряке по-особенному. Моряка издалека видно. На моряка все смотрят. И моряку совсем не все равно, как на нем сидит флотское обмундирование. У моряка душа не на месте, если в форме нет порядка. Традиции в Военно-Морском Флоте – великое дело! Они есть даже у каждого флота и флотилии. И опытный, много служивший моряк, даже не глядя на надпись на ленточке, а только по тому, как сидит бескозырка, сможет отличить североморца от балтийца, тихоокеанца от черноморца.

Ваня Таранин решил исправить недостатки в своей выходной форме. Новый воротничок он променял какому-то матросу на поношенный, с поблеклыми синими полями. Бушлат на нем сидел неплохо, потому что Ваня был высок и строен. Но вот брюки... Они были узки внизу и больше походили на смешные дудочки, чем на настоящие флотские брюки.

Кое-кто из юнгов пытался расширить брюки при помощи вставных клиньев. Но такой метод оказался устаревшим и непригодным. Во всех приморских городах комендантские обходы забирают «братишек-клешиков», приводят их в комендатуру и заставляют тут же вырезать клинья ножницами.

Ваня Таранин узнал о совершенно новом способе. И, рассматривая свои суконные брюки накануне выходного дня, он сказал товарищам:

– Завтра с утра, конечно, объявят форму номер три. А какая у нас форма? Смех! Брюки не брюки... Макароны какие-то...

– Не по заказу шиты, – сказал Жора Челноков.

Петушок добавил:

– Матросы вон служат по несколько лет, у них в баталерке свои корешки. Берут брюки на два, а то три размера больше. Из таких какие хочешь можно сделать. А вставить клинья – все равно заставят вырезать.

– Так можно же обойтись без клиньев, – сказал Ваня и приставил палец к губам: – Только, чур, не выдавать. Сегодня командир нашей смены Цыбенко говорит мне: «Ты, говорит, Таранин, аккуратный парень, ходишь всегда чисто. За аккуратность тебя командир роты хвалит. А вот посмотришь на тебя, когда ты одет по форме три... Нога у тебя крупная, а брюки – смешно смотреть. Не тот ты размер для себя взял». А я, говорю, не выбирал. Такие дали. «Знаю, говорит, у молодых всегда так. А хочется мне, чтобы ты примерным был всегда. И в рабочее время и в

выходной.» Так как же быть-то, спрашиваю, товарищ старшина первой статьи? «Научу, говорит, только никому ни слова. Комар носу не подточит. Никакой обход не придерется». И знаете как? – Ваня поднял матрац и достал из-под него фанерную дощечку. – От вас я все равно не скрою. Только смотрите, ребята, никому ни слова. Старшину не подведите.

– Да ладно тебе, – перебил Ваню Челноков. – Чего уж там...

– Могила! – поддержал Жору Петушок.

– Ну то-то. А все очень просто. Надо низы брюк намочить и сырые натянуть на дощечку. На фанере они растянутся, а потом в таком виде и высохнут. Можно любой ширины сделать.

– Здорово! – воскликнул Петушок. – Давайте сейчас же сделаем.

– Раз без клиньев, значит, можно, – согласился Жора.

16

Утром выходного дня в лагерь пришел начальник школы юнгов Абрамов, начавший службу на флоте еще до революции.

Увидев его, дежуривший по лагерю замполит первой роты лейтенант Соколов вдохнул всей грудью и, напрягаясь до последнего предела, раскатисто скомандовал:

– Сми-и-ррно!

Стоявшие у палаток юнги подтянулись, повернулись в сторону начальника школы.

Лейтенант Соколов приложил руку к фуражке.

– Товарищ капитан первого ранга, дежурный по лагерю лейтенант Соколов.

Он сделал шаг в сторону, повернулся во фронт, давая дорогу начальнику школы, и, когда Абрамов негромким спокойным голосом скомандовал «вольно», так же во весь голос повторил:

– Вольно!

Начальник школы поздоровался с Соколовым и пошел вдоль палаток и строящихся землянок. Острое лицо его с прямым нависающим носом и густыми седыми бровями было спокойно.

Он знал, что кое-кто из юнгов отлынивает от работы, бродит по лесу, что с камбуза пропадает посуда, и начальник столовой ходит по лесу и берегам озер и собирает разбросанные там бачки, миски и чумички.

Гурька Захаров в этот день был дневальным по роте. Офицеры остановились около палатки, в которой находился ротный наряд.

Гурька слышал, как начальник школы спросил командира роты старшего лейтенанта Сти-феева;

– Когда закончите строительство землянок?

– Через три дня закончим.

– Хорошо. Через два, дня откроем новую столовую. Самое трудное останется позади. Учебные кабинеты готовы к занятиям. Сегодня надо показать их юнгам. Да... А вот с дисциплиной...

Стифеев попросил:

– Разрешите?

– Говорите.

– При отборе ребят на местах допущены

ошибки. Брали всех, кого попало. В школу пришли... – Стифеев замялся, потом продолжил: —

Вместе с хорошими ребятами в школу попало немало хулиганов. Я полагаю, что мы должны избавиться от них. Пускай будет меньше, но лучше.

– Все?

– Все.

– наших юнгов, – сказал лейтенант Соколов, – война поставила в исключительные условия. Тяжелые условия, я имею в виду. Многие из них являются настоящими детьми войны. Родители их погибли на фронте или во время налетов вражеской авиации на тыл. Эти ребята по несколько месяцев бродили по дорогам, беспризорничали, пока их не подобрали...

– Тем более они должны бы... – перебил своего заместителя Стифеев.

Капитан первого ранга качнулся на носках, пожевал губами и, очевидно, не желая слушать, что еще скажет командир роты, приказал:

– Постройте роту.

– Есть построить! Первой роте строиться!

Дежурный по роте подхватил команду старшего лейтенанта:

– Первой роте строиться!

Гурька засвистел в боцманскую дудку, которая у него висела на шее, и, обходя палатки, кричал во весь голос:

– Первая рота, выходи строиться!

Через несколько минут первая рота выстроилась.

Старший лейтенант скомандовал:

– Рота, смирно!

Бросив короткий взгляд на застывшие шеренги юнгов, как бы проверяя, четко ли они выполнили его команду, он подошел к начальнику школы и доложил:

– Товарищ капитан первого ранга, по вашему приказанию первая рота построена!

Абрамов, держа руку у козырька с золотыми лавровыми листьями, поздоровался с юнгами бодрым, хорошо натренированным на командах голосом:

– Здравствуйте, товарищи юнги!

Ребята удивились силе в голосе старого человека, и желая не остаться перед ним в долгу, громко ответили:

– Здравст, товарищ капитан первого ранга!

Но хорошо получилось только «здравст», а остальные слова рассыпались горохом, вразнобой.

– Отставить! – скомандовал капитан первого ранга и поздоровался еще раз.

Рота на мгновение застыла, а потом не быстро, но дружно ответила:

– Здравст, товарищ капитан первого ранга!

На этот раз начальник школы остался доволен.

Потом рота приветствовала его на ходу, делала повороты налево, направо, кругом, разбегалась и собиралась снова.

Гурька стоял в стороне, у палатки, и удивлялся. Собственно, удивляться, может, было и нечему. Строевой подготовкой юнги занимались редко. И все-таки он никак не думал, что рота ходит так плохо. Со стороны всегда виднее.

Когда рота делала поворот кругом на ходу, юнги почему-то вдруг спотыкались, хотя дорога была сухая, сбивались с ноги и некоторое время смешно семенили, приноравливаясь к шагу впереди идущих, те тоже сбивались, и все налаживалось только после того, как командир роты начинал давать счет, растягивая слова:

– Ать, два-а, три-и! Ать, два-а, три-и!

Ходите вы пока плохо, – сказал начальник школы роте. – Разболтанности у вас много. И это не случайно. Дело не только в том, что вы еще мало занимались строевой подготовкой. А недисциплинированности у вас хоть отбавляй. Вот, пожалуйста, посмотрите...

Он приказал выйти из строя нескольким юнгам, которых заметил раньше. Среди них были Ваня Таранин, Жора Челноков и Петушок. На Агишине болтались такие непомерно широкие брюки, что он сам влез бы в каждую из штанин.

— Что это такое? — спросил начальник школы, обращаясь к стоящим перед строем юнгам. — Вы думаете, это хорошо, красиво? Безобразие, вот что это такое! Клешники на флоте давно уже перевелись, и вам ли, юнгам, возрождать старое, плохое, чему советские моряки объявили войну с первых лет Советской власти? Вы изуродовали свою форму! Тяжелое, суровое время переживает наша Родина. Идет жестокая война с гитлеровскими захватчиками. Условия у нас здесь такие, что мы не смогли пока хорошо подогнать на вас обмундирование. Но это временно. Подготовимся к началу учебных занятий, займемся и формой. А вот такие юнги не понимают этого. Стараясь щеголять широким клешем, они портят обмундирование. Ваши отцы и братья, не жалея собственной жизни, дерутся с врагами Родины — немецкими захватчиками. Пройдет немного времени, и вы станете рядом с ними. Флот в вашем лице должен получить стойких, мужественных моряков, способных преодолеть любые трудности и победить врага. А некоторые из вас напугались, не выдержали первых испытаний здесь, в школе. Поведение таких юнгов не достойно их звания и марают флотскую честь!

Здорово пристыдил начальник школы клеш-ников и бродяжек, которые целыми днями гуляют

по лесу, таскают с камбуза посуду и не работают вместе со всеми.

Ваня Таранин стоял с опущенной головой и красным от стыда лицом. Про себя он решил, что больше никогда не будет так делать, и в душе ругал Цыбенко.

Петушок тоже опустил рыжую голову. Но серые глаза его с хитринкой посматривали на юнгов и начальника школы. На лице его появилась улыбка, простая, невинная: дескать, что мы такого особенного сделали?

17

Строительство землянок закончилось, и юнги перебрались в них из палаток.

В своей палатке Лупало заставлял товарищей ходить для него на озеро за водой, чистить его ботинки, добывать на раскурку газет. Ослушаться Лупало боялись – побьет. А бил Лупало умело. Не то чтобы нос расквасит или синяк поставит. Нет. А так, что и следов не оставит. После этого юнга побоится следующий раз послушаться.

Лупало и в землянке вел себя по-прежнему. Петушка сделал своим ординарцем. Что Лупало Петушку скажет, то он и сделает.

– Жорка, – сказал как-то Лупало Жоре Челнокову, который рассматривал только что полученный учебник по двигателям. – Сходи за дровишками.

– Сходи сам. Что ты за командир?

Лупало поднялся с кровати:

– Я не командир. А раз говорю сходи, значит, сходи и принеси.

– Не пойду.

– Не пойдешь? Хорошо.

Лупало вышел из землянки.

– Петушок! – позвал он Агишина, занятого чисткой Лупаловых ботинок. – Иди сюда.

Они переговорили о чем-то, и Лупало вернулся в землянку.

Двое юнгов играли в шашки. Лупало подсел к ним, посмотрел и сказал, обращаясь к Толе Носову, который только что выиграл партию:

– Давай, Толька, играть в щелчки.

– Как это в щелчки?

– А просто. Кто проиграет, тому щелчки.

– Да, с тобой только и играть...

– А что со мной? Я проиграю. Вот увидишь, проиграю. Ты здорово играешь. Сколько сухарей у тебя останется, столько и щелчков мне дашь.

Толя, действительно, играл в шашки хорошо и в шашечных турнирах всегда выходил победителем. Но играть с Лупало он боялся. Если такому верзиле проиграешь, он таких всыплет!...

– Давай без щелчков, – предложил Толя.

– Без щелчков неинтересно. Да ты что, боишься проиграть мне?

– Вовсе не боюсь.

– А вот давай, давай...

Лупало начал расставлять шашки. Толя был честолобив и решил во что бы то ни стало выиграть у Лупало. Неплохо всыпать несколько щелчков этому нахалу.

Первую партию Лупало проиграл. У Толи на доске остались четыре простые шашки и дамка.

– Ну вот, – сказал Лупало, – я же знал, что ты выиграешь. Сыпь мне свои орехи.

Он подставил голову.

Толя дал Лупало девять щелчков.

– Давай, Толька, лупи меня, раз ты такой сильный, – сказал Лупало и снова взялся за шашки.

Толя хотел отказаться играть другую партию. Честолюбие его было удовлетворено. Но Лупало сказал, что Носов должен сыграть с ним еще одну партию, иначе с его стороны будет нечестно.

Начали играть. Теперь Лупало играл по-другому. Очень скоро одна его шашка пробралась в дамки. Толина же шашка прочно засела в правом углу на половине доски противника. Толя уже не мог играть как следует. Он смотрел на сильные с широкими толстыми ногтями пальцы Лупало, когда тот передвигал шашки, и мысленно подсчитывал вероятное количество щелчков, которые влепит ему Лупало.

– Так. Подсчитаем, – сказал Лупало выиграв партию. – Так... десять. Да за две дамки по пяти – тоже десять. И два сухарика. Всего двадцать два щелчка. Подставляй лоб, Толик.

– Ну, уж и лоб, – сказал Толя и покраснел. – Я тебя щелкал в голову.

– Хорошо. Я спорить не буду. В голову так в голову. Все равно подставляй ты мне. Не за то мать сына ругает, что играет, а за то, что отыгрывается.

А я отыгрался. Давай...

Лупало щелкал здорово. Он бил с размаху, так, что у Носова звенела голова. После каждого щелчка Толя все глубже вбирал ее в плечи, пытался закрываться руками, но Лупало кричал:

– Убери руки!... Четыре... пять... шесть... Терпи, казак, атаманом будешь. Восемь... терпи... девять... десять...

Толя совсем сполз вниз, и голова его была у самого края стола.

Лупало пожалел его:

– Ладно, хватит пока. Дюжина останется за тобой. Это вроде американки будет. Попрошу что – исполнишь. А не исполнишь – получишь остальную дюжину. Давай еще сыграем. Ты тоже можешь отыгаться. Тогда квиты будем.

Но Толя играть отказался, решив, что лучше пока побыть у Лупало в долгу. Он тер пальцами голову и с боязнью посматривал на довольного противника.

В это время Петушок затеял возню с Жорой Челноковым. Наверное, полез драться. Но Жора сильнее Петушка, и тот заплакал.

– Ты чего обижаешь его? – вмешался Лупало. – Я вот тебе покажу, как обижать маленьких...

Лупало повалил Челнокова на койку и загнул ему такие крутые салазки, что у того спина чуть не сломалась.

– Но, Жорка! – Кричал Лупало, усаживаясь на загнутые Жорины ноги. – Но! Не хотел пойти за дровами, поезжай за ними на собственных санках! Поехали!

Издательства Лупало над товарищами Гурь-ка не мог стерпеть. Он схватил железный прут, что лежал у печки и служил вместо кочерги, подскочил к смеющемуся наезднику и, замахнувшись, сказал:

– Слазь!

– А тебе чего надо? – спросил Лупало, строго посмотрел на Гурьку.

– Слезай, говорю, а то врежу!

Лупало отпустил Челнокова и встал перед Гурькой.

– Тебе чего надо? – снова спросил он, чуточку сузив свои рыжие глаза, в которых светился злой огонек.

– Такой дылда, а обижаешь слабее себя.

– А ты что? Сильнее меня?

– Не сильнее, а не боюсь. А будешь драться...

Лупало выхватил у Гурьки прут:

– А вот посмотрим...

Швырнул прут в сторону и схватил Гурьку за грудь.

В это время в землянку вошел Митя Коробков и сказал:

– Отставить, Лупало.

– Ладно, – сказал Лупало и отошел к своей койке. – Как аукнется, так и откликнется.

18

Занятий юнги ждали, как праздника.

Наконец, наступил первый день учебы.

Гурька проснулся еще до побудки. В землянке было темно. Сквозь небольшое оконце виднелся кусочек неба с холодно поблескивающими звездами.

Гурька повернулся в постели и услышал, как на койке справа зашевелился Митя Коробков. Слева спал, посапывая, Николай.

– Сколько сейчас времени? – спросил Гурь

ка Митю.

– Скоро, наверно, подъем.

Гурька поднялся и, стараясь не шуметь, начал одеваться. На других койках тоже ворочались. Гурька подошел к выключателю и зажег свет. С подушек поднялось сразу несколько голов.

– До подъема двадцать пять минут, – сказал Ваня Таранин, посмотрев на ручные часы.

Гурька вышел на улицу и увидел сквозь предутреннюю мглу, что около других землянок тоже мелькали фигуры юнгов.

Когда прозвучал сигнал подъема, вторая смена была уже на ногах. Юнги заправляли койки, чистили ботинки, умывались.

Старшина Цыбенко тоже проснулся и оделся. Понимая настроение ребят, он не упрекал их за нарушение распорядка и сам спешил побриться до построения роты.

– Выходи на зарядку!

Обычно на утреннюю зарядку шли неохотно. Еще не освободившись от сна, юнги потягивались, пережидали друг друга, чтобы не стоять на утреннем прохладном воздухе. Сегодня все было иначе. Быстро выбежали из землянки, построились и все упражнения выполнили с особым усердием.

Потом построилась вся рота. В руках у каждого юнги пачка книг и тетрадей. Старший лейтенант Стифеев поздравил юнгов с началом учебы, и они кричали громко и радостно:

– Ура! Ура! Ура!

Позади осталось короткое, но трудное время строительства землянок и заготовки дров. Теперь в лесу работала хозяйственная команда. А юнги будут учиться.

Гурька слышал, как у него бьется сердце. Так оно, кажется, никогда не билось.

До учебных корпусов в Савватьево шли с песнями.

– Не слышу ноги! – крикнул командир роты, когда подходили к управлению школой, и в его голосе юнги угадали то же волнение, которое переживал каждый из них в эту минуту.

Рота подтянулась. Четко, сразу на всю ступню, ставится нога. В рядах ни шороха. И кажется, что по дороге идет один большой-большой человек, звонко в утренней тишине печатая шаг:

– Так!... Так!... Так!...

– Рота, стой! Нале-во! Смирно! Равнение на середину!

Кругом еще темно и ничего не видно, но Гурька догадался, что роту встретил кто-то из командования школой. Вот слышно, как старший лейтенант Стифеев четким строевым шагом подошел к встретившему роту и громко доложил:

– Товарищ капитан первого ранга, первая рота к учебным занятиям готова!

19

Первым был урок по устройству корабля. Преподаватель капитан-лейтенант Читайлов до войны работал в торговом флоте. Полный, круглолицый, он вошел в класс, и Петушок, дежуривший в этот день по классу, доложил ему о готовности смены к занятиям.

– Вы – будущие моряки, – начал урок Читайлов немного сипловатым голосом. – Будете служить на кораблях. Корабль для моряка то же, что родной дом. Но можно ли жить в доме, да еще в родном, и не знать, как он устроен?

– Устройство корабля вам надо знать, как пять своих пальцев. Тогда вы не будете путать форштевень с ахтерштевнем и шпангоут с ран гоутом^[4]...

Вторым уроком в этот день было устройство двигателей.

Инженер-капитан Вукулов, который вел этот предмет, рассказал юнгам о подвигах североморцев, о блестящих торпедных атаках Героя Советского Союза Шабалина, топившего вражеские корабли в Баренцовом море, о подвигах Колышкина, Лунина, Фисановича. И хотя о самом предмете – двигателях – Вукулов на этом первом занятии не сказал ни слова, юнги знали, что по его предмету им придется заниматься как ни по какому другому. В перемену Петушок подошел к висевшему на стене плакату, на котором был изображен в красках в разрезе двигатель, и стал объяснять Ване Таранину:

– Вот эта штукавина толкает вот эту пустяковину, а эта пустяковина крутит вот эту ерундовину. Ясно?

Следующим был русский язык. С ним ребята меньше всего ожидали встретиться в школе юнгов. А в расписании занятий на следующие дни недели стояли еще физика, химия, математика. Петушка это смущало. Почти со всеми этими предметами он был в неладах. И зачем ему русский язык на флоте? Он достаточно научен грамоте, чтобы прочитать любую книгу.

Прозвенел звонок на урок.

Юнги уселись за столы, готовые снова подняться по команде дежурного. Они еще не знали, кто у них будет вести русский язык, и появление нового преподавателя ждали с интересом. Петушок хотел бы выкинуть какую-нибудь шутку при первом знакомстве с ним, но ничего не мог придумать. К тому же он сегодня дежурил по классу.

Вошел замполит роты лейтенант Соколов. Петушок подумал, что он, вероятно, обходит все классы в первый день занятий, и поэтому скомандовал: «Встать!», как этого требовал устав при появлении офицера. Докладывать ему о готовности смены к занятиям он не собирался.

Лейтенант стоял и чего-то ждал. Потом он спросил Петушка:

– Ну, а дальше?

– Что дальше, товарищ лейтенант?

– После команды «встать» при появлении преподавателя в классе что дальше надо сделать?

– Преподава-а-теля? Так ведь вы...

– Я буду вести у вас русский язык.

Петушок растерялся еще больше. В горле у него запершило, он откашлялся и совсем тихо, срывающимся голосом скомандовал:

– Смирно! Товарищ лейтенант, вторая смена к занятиям готова. Дежурный по классу юнга Агишин!

– Вольно! Садитесь.

20

Петушка увезли в госпиталь. Диагноз – дизентерия: то ли наелся всякой лесной снеди, то ли по другой причине. Заболело еще несколько юнгов. Зараза быстро распространялась. Из городка ежедневно приходила санитарная машина и увозила в госпиталь больных.

Врачи всюду сыпали хлоркой, советовали юнгам пить только кипяченую воду. Не все юнги слушали эти советы. Иные, заболев, старались скрыть болезнь: боялись попасть в госпиталь. Там продержат больше месяца, отстанешь в учебе, и потом трудно будет наверстать упущенное. И вообще противны все эти медицинские клизмы и уколы. Чего ради из-за какого-то поноса позволять колоть себя по несколько раз в день?

Врачи ежедневно обходили землянки и спрашивали, есть ли больные.

Между юнгами строго соблюдался неписанный закон: не выдавать. Кто нарушал его, тот терял уважение среди товарищей. Поэтому, хотя юнги и знали, кто из них болен, но не выдавали их врачам, пока страшные боли не заставляли больного самого обратиться в санчасть.

Однажды вечером, когда смена занималась самоподготовкой, в землянку вошел дневальный по роте и сказал, что старший лейтенант Стифеев приказал явиться к нему командиру смены. Цыбенко в это время в землянке не было. Он уехал зачем-то в городок, оставив за себя Гурьку.

Гурьке пришлось пойти к командиру роты.

У командира сидели два врача в белых халатах.

Гурька доложил:

– Товарищ старший лейтенант, заместитель командира второй смены юнга Захаров по вашему приказанию явился.

– Ты здоров, Захаров? – спросил Стифеев.

– Так точно. Здоров.

Стифеев пристально посмотрел Гурьке в лицо.

– А больные в смене есть?

Гурька смутился. В смене был болен Толя Носов. Сказать об этом – значит, нарушить закон товарищества. Но и обманывать нельзя. Старший лейтенант ему доверяет. Его слово для Гурьки должно быть законом. А Гурька возьмет и обманет его? Вспомнился отец. Разве отец скажет неправду своему боевому командиру?

– Есть больной, товарищ старший лейтенант.

– Один? Кто?

– Анатолий Носов.

Тот, кто был в очках без ободков, записал фамилию Носова на листочке, потом спросил:

– Больше нет?

– Не знаю.

– А воду из озера пьете?

«Ну уж эта. извините, – подумал Гурька. – Что я, должен следить и докладывать, кто ходит на озеро пить воду, а кто пьет только кипяченую?» А вслух сказал:

– Не знаю.

– Надо знать, – сказал командир роты. —

Раз вы замещаете командира смены, обязаны знать.

Другой врач, молодой, с черными остренькими усиками-стрелочками и розовыми пухлыми губами, сказал:

– Вода в озере заражена дизентерийными микробами. Это установлено лабораторным анализом.

Командир роты добавил:

– Если еще кто-нибудь заболит, немедленно докладывайте мне. Не ждите, когда вас вызовут и спросят.

– Есть вам докладывать. Разрешите идти?

– Идите.

– Я вместе с вами пойду, – сказал врач в очках.

Когда они вошли в землянку, юнги поднялись.

– Садитесь, – сказал врач. – Кто из вас, Носов?

Толя не отозвался. Гурька заметил, что юнги посмотрели не на Носова, стоявшего в это время у печки, а на него, Гурьку.

Лупало протянул:

– Да-а!...

– Кто Носов, я спрашиваю? – начал сердиться врач.

– Ну, я...

Врач подошел к Толе, посмотрел ему в лицо, потом велел показать живот.

– Почему не обратились в санчасть? Вы же больны!

– Ничем я не болен, – ответил Толя, отворачиваясь от врача и прижимаясь животом к печке.

– Собирайтесь.

– Куда собираться? Зачем?

– Вас отвезут в госпиталь.

– А чего я там не видел?

Врач повысил голос:

– Юнга Носов, собирайтесь в госпиталь!

Толя медленно пошел от печки. Проходя мимо Гурьки, окинул его презрительным взглядом.

21

Прозвучал сигнал отбоя. Юнги разбирали постели, раздевались, складывали обмундирование, ложились спать.

Погасили свет.

Гурька лежал, уставившись взглядом в небольшое, едва заметное на противоположной стене оконце, и повторял про себя:

«Брашпилем называется лебедка для подъема якорной цепи и якоря, установленная на носовой части корабля».

Капитан-лейтенант Читайлов требовал точности при определении той или иной части корабля. Приходилось эти определения заучивать наизусть.

«Клюзом называется, – неслышно шевелил Гурька губами, – круглая и овальная прорезь на борту, палубе или фальшборте корабля, которая служит для пропуска якорной цепи или швартовых тросов, и поэтому клюзы бывают якорные и швартовые».

Когда же придет от отца письмо?

Бывало, что из-за сильного тумана или ветра небольшое судно учебного отряда «Краснофлотец» не могло выйти в море, и почта не приходила по несколько дней. Письма лежали в Рабочеостровске. Может быть, там сейчас и для Гурьки лежит письмо? Только бы поскорее выздоравливал отец. Лежать в госпитале ему, наверное, надоело. А письма от него Гурька все равно дождется.

В землянке мелькнули какие-то тени. В следующую секунду кто-то схватил Гурькино одеяло и накинул ему на голову.

Били молча. Гурька знал, за что. За то, что он сказал про Толю Носова.

Били сразу с нескольких сторон. Тыкали кулаками в бока. Колотили по спине. Кто-то уселся ему на ноги и щипал их.

Кричать? Бесполезно. Он сжался в комок, вобрал голову в плечи и закрыл ее руками, чтобы не разбили лицо.

Плакать? Ну, этого от Гурьки не дождешься! Больно? Очень больно.

Кто– то приглушенно крикнул:

– Полундра!

В землянке по-прежнему тихо, словно и не было ничего.

Гурька откинул одеяло. Сквозь темноту он увидел лежащего рядом Лизунова. Участвовал ли он в «темной»? Если спросить его об этом завтра, скажет, что спал и ничего не слышал.

Гурька знал, что «темную» организовал Лупало.

22

Следующим во второй смене заболел Гурька. Он сам явился в санчасть, как только почувствовал себя плохо. Его тоже отвезли в госпиталь и положили в одну палату с лейтенантом Соколовым. Небольшой соловецкий госпиталь был переполнен больными, и в других палатах свободных мест уже не было.

В окно палаты виден кремль с башнями и куполами соборов. Вода в бухте казалась изумрудной. У причала стояло небольшое судно «Краснофлотец», высокое, с острыми обводами, окрашенное в черный цвет.

– Бухту знаешь как зовут? – спросил как-то лейтенант Гурьку.

– Нет, не знаю.

– Бухта Благополучия. А вот то озеро монахи называли Святым. Богомольцы приезжали в монастырь и первым делом купались в озере, смывали грехи. Больные надеялись получить от святой воды исцеление.

– А зимой как же? Озеро зимой замерзает?

– Зимой на острове оставались только монахи, работные люди да узники в тюрьме.

– В тюрьме?

– Да, в тюрьме. При монастыре тюрьма была.

Страшная тюрьма с крохотными казематами, каменными мешками.

– В тюрьму сажали бедных?

– Всех сажали, кто был неугоден царю и церкви. В казематах монастыря умерло много хороших людей. Ты вон ту башню видишь? Головленковой она называется. В ней были казематы. В них сидели сподвижники Степана Разина: сотники Исачко Воронин и Сашко Васильев. Декабристы >Шахновский и Бантыш-Каменский тоже сидели в монастырском остроге. Участников первой демонстрации на Казанской площади в Петербурге Матвея Григорьева и Якова Потапова царское правительство тоже сюда заточило. Ты о Пожарском, конечно, слыхал?

– Он тоже сидел в тюрьме?

– Нет. В монастыре хранилась боевая сабля Дмитрия Пожарского.

– А сейчас она где?

– Не знаю.

– Заржавела уже, наверно.

Лейтенант ответил не сразу. Сначала он как будто не слышал слов Гурьки о том, что сабля Дмитрия Пожарского лежит где-нибудь и ржавеет, потом точно спохватился и сказал:

– Сабля Дмитрия Пожарского не может заржаветь. Всей силой души ненавидит сейчас наш народ немецких захватчиков. И эта ненависть

сродни той, которую испытали русские люди в борьбе с польскими поработителями-интервентами. Такая ненависть не ржавеет. Понимаешь?

Лейтенант умолк. Некоторое время смотрел на островерхие башни кремля, потом сказал:

– Да, брат, тут не только тюрьма, каменные мешки и казематы. Здесь вся наша история за полтысячелетие отразилась. Ну, скажем, о Крымской кампании 1854—1856 годов ты что-нибудь слышал? – Это когда оборона Севастополя была? Адмирал Нахимов и матрос Кошка тогда еще прославились.

– Вот-вот. Народ песни сложил про Крымскую войну. – Лейтенант помолчал, потом запел негромким глуховатым голосом:

Расскажу я, братцы, вам,

С англичанкой воевал.

Много горя, братцы, видел,

Много бед я испытал.

– А теперь англичане за нас, – сказал Гурька, когда лейтенант умолк.

– За нас. А воюем за них мы. – Лейтенант глубоко вздохнул, потом продолжал: – Так вот, летом 1854 года английская эскадра появилась в Белом море и затем подошла сюда, к Соловкам. Англичане потребовали, чтобы крепость сдалась. Но разве русские крепости сдаются? Англичане девять часов стреляли по кремлю. И душой, главной силой при обороне монастыря, знаешь кто был? Простые люди, которые работали на монастырь за кусок хлеба, да сосланные сюда государственные преступники. Это те, кто неуютны были царю. Они потребовали, чтобы их выпустили из тюрьмы и дали им «дело». Сосланным-то, казалось бы, помогать англичанам надо было бы, чтобы они их за это освободили. А нет! Русский человек ни за что Родину не продаст. И не нужна ему свобода на чужбине, если Родине от этого будет грозить опасность. Вон видишь угловую башню слева? Прядильной она называется. Вот и встали узники на этой башне и дали англичанам такой отпор!... У английского флагманского фрегата «Бриск» они пробили борт, и пришлось англичанам убираться из Белого моря несолоно хлебавши.

Целыми часами рассказывал лейтенант о прошлом Соловков, о великих муках и подвигах русского народа. После этих рассказов Гурька по-новому смотрел на суровые стены крепости. Он представлял, как сотни русских крестьян, ничем не вооруженных, кроме лопаты и нехитрого блока, строили эти стены, ворочали огромные валуны, ставили их друг на друга и часто гибли под ними. Двенадцать лет строился соловецкий кремль и вырос мощный, неприступный. Датчане, шведы, финны, англичане пытались овладеть крепостью, но всякий раз уходили ни с чем. А она, как была, так и осталась русской.

– Народ наш против всего может выстоять, – говорил лейтенант. Его нельзя победить. Вот встали наши у Сталинграда, сломали хребет немцу и теперь обратно погнали гитлеровцев. До Берлина наши дойдут! Вот увидишь!

Ночами Гурька подолгу ворочался в постели, не мог уснуть. Пылкая мальчишеская фантазия уносила его туда, где советские люди гнали врага с родной земли в фашистское логово.

Между тем дело у Гурьки шло на поправку. Петушка из госпиталя уже выписали.

Как– то, вернувшись от начальника госпиталя, лейтенант Соколов сказал:

– Есть интересная новость, Захаров.

– Какая?

– Две смены мотористов из нашей роты переведены из Савватьева в кремль.

– Правда?

– Считай, что так. Командование учебного отряда нашло для них помещения. Дело в том, что часть матросов закончила учебу и уехала на флот. Вот свободные помещения и отдали нам для двух смен.

– А вы!

– Пока не знаю. Как прикажет начальник школы.

– Проситесь с нами, товарищ лейтенант.

– Проситесь... Если бы знал, что отпустят обратно на корабль, попросился бы. А в Савватьеве или в кремле – это пусть без меня решают.

И Гурька понял, что лейтенант Соколов тоскует по своему кораблю.

23

В день, когда Гурька выписался из госпиталя, выпал первый снег. Он покрыл землю, крыши домов и башен кремля, отчего вода в Святом озере казалась черной.

Ветер крутил на шпилях башен флажки – флюгера, сделанные из покрашенного железа.

Гурька остановился у ворот в кремль. Он увидел необычайную картину: перед рослым, недавнего призыва матросом, выставившим вперед штык винтовки, стоял Петушок. Распахнув шинель и выставив тельняшку, он лез грудью прямо на штык часового и кричал:

– На! Коли!... Коли!... Ну, чего ты не колешь?!

Часовой растерялся от такого напора юнги.

Он отклонил штык в сторону, боясь, очевидно, чтобы в самом деле не уколоть мальчишку, и, стараясь загородить прикладом дорогу Петушку, уговаривал его:

– Ну чего ты лезешь? Раз нет увольнительной, значит, нельзя. Поди и возьми увольнительную, тогда пройдешь. Не приказано же без увольнительных или пропусков пущать из кремля...

– Ах, увольнительную?! А без увольнительной непустишь? Ах ты...

Петушок хотел снова ринуться на часового, схватился за грудь, но увидел Захарова, запахнул полу шинели и крикнул:

– Гурька! Здорово! Давай, давай, проходи!

Пропусти человека. Он только из госпиталя выписался.

Часовой на этот раз не стал сопротивляться и пропустил Гурьку в кремль.

Внутри кремля, вдоль крепостных стен, стоят двухэтажные серые здания с небольшими окнами, выходящими внутрь двора. Когда-то в них помещались монашеские кельи, трапезные, кладовые, производственные мастерские и цехи, в которых изготовлялись самые разнообразные изделия: иконы, канаты, деревянная посуда, предметы церковной утвари, полотна и квас. Центр кремля занимают здания огромных соборов, строгих и величественных. Кресты и разные украшения с них сняты, и высокие, почти гладкие стены соборов от этого кажутся еще более суровыми.

– Ты чего с часовым сцепился? – спросил Гурька Петушка.

– Хотел на озеро посмотреть. Оно же рядом, у самых ворот. А он не пускает, подавай, видишь ли, ему пропуск или увольнительную. Какая же тут увольнительная, если до озера три шага?

– Значит, из кремля без увольнительной не выпускают?

– Сам видел. Тоже порядок. В Савватееве, там куда хочешь иди. Никто не задержит. А здесь...

– Матрос имел право ударить тебя прикладом или пырнуть штыком, чтобы не лез.

– Мало ли что. Мог, да побоялся.

– Просто связываться не захотел.

– Попробовал бы... Самому же потом и влетело бы за меня. А он струсил. Знаю я таких салаг.

Он еще... – Петушок подставил кисти рук к голове и задвигал ими, как ушами.

Они прошли через двор кремля и обогнули двухэтажное здание. Слева в углу стоял глухой забор с калиткой.

– Гауптвахта, – сказал Петушок.

– Тебе, я вижу, хочется туда.

– Не зарекайся и ты. Кто на гауптвахте не бывал, тот и службы не видал.

– Откуда ты это узнал?

Петушок не ответил. Маленький, рыжий, он шагал независимо, глубоко засунув руки в косые карманы непомерно широкой шинели.

– С Лизуновым вместе живешь? – спросил Гурька.

– Вся смена живет в одном кубрике.

– В кубрике?

– По-морскому это. А так – в комнате. Командиром смены знаешь кто теперь у нас? Боцман Язьков. У него все по-морскому. Скомандует: «По строиться на средней палубе!» Это значит, в кубрике же, в проходе между койками. Я вышел из гос питаля, услышал такую команду и растерялся. Где же, думаю, тут средняя палуба, а где верхняя или нижняя? Оказывается, только одна средняя есть, а ни нижней, ни верхней нету.

– А Цыбенко где?

– Его в Савватееве оставили.

– Не слыхал, кто теперь в нашей землянке живет?

– Никто в ней не живет. В землянке теперь

библиотека.

Они поднялись на второй этаж и, открыв дверь, вошли в большую комнату, в которой двумя рядами стояли койки с широким проходом между ними-«средней палубой».

У дверей, возле тумбочки, сидел дневальный Ваня Таранин и читал книгу.

Первым к Гурьке подошел Николай.

– Здорово, болящий! Выписался?

– Здравствуй! Где моя койка?!

– Койка твоя тебя ждет. Вещи твои в сохранности. Командир смены их в баталерку запер.

Гурька разделся, снял бушлат.

В кубрике было тепло и чисто. От большой монашеской печки, возле которой была прибита вешалка, несло теплом.

24

Боцман Язьков теперь командовал второй сменой и вел с юнгами морскую практику: учил обращаться со свайкой^[5] и мушкетом^[6], накладывая на тросы бензеля^[7] и марки^[8].

Гурька все больше убеждался, как много надо знать и запомнить, чтобы потом хорошо нести службу на флоте.

Новое отрицало старое, привычное для гражданской жизни.

Ведь вот простая вещь – веревка. Всем понятное слово. А в морском деле, оказывается, никаких веревок и оборок нет, а есть тросы и линии. Тросы по материалу, из которого они сделаны, разделяются на пеньковые, манильские, сизальские, проволоочные, комбинированные и тряпичные. А линии в зависимости от своего назначения разделяются на стеклины, лаглины, лотлины, слаблины, сорлины, юзени и т. д.

Конечно, запомнить все это было нелегко. Но интерес к предмету и хорошая память помогали ему быстро усваивать все, что товарищи успели пройти, пока он лежал в госпитале.

Особенно Гурьке нравилось вязать морские узлы. Сколько раз он мучился дома, когда, помогая матери или отцу, старался что-нибудь привязать! Ни отец, ни он, ни тем более мать не знали всех тех остроумных, интересных способов вязания узлов, какие применяются на флоте. Они знали только простую петлю-удавку да прямой узел, который боцман называл «бабыим» узлом. Затянешь такой узел, а потом мучаешься с ним, чтобы развязать. Другой раз и не развяжешь, а, отчаявшись, просто возьмешь и разрежешь ножом.

Другое дело – морские узлы. Каждый из них вяжется по-особому и в определенных случаях. И выглядит всякий из них по-разному. Не узел, а несколько петель, вытянутых вдоль, – штыковой узел. Другой напоминает огромный цветок с лепестками из тросовых петель. Это топовый узел. Рифовый узел небольшой, а такой крепкий, что никакой шторм его не разорвет. Но стоит дернуть за специально оставленный для этого конец, и узла нет, растаял, словно пузырь на воде.

Больше всего Гурьке нравилось вязать беседочный узел. Применяется он в тех случаях, когда работающему на мачте или у борта корабля надо закрепить себя, чтобы не упасть.

Боцман Языков требовал от юнгов умения вязать беседочный узел одной рукой, на весу. Для этого он прикрепил к потолку у стены трос. Стена заменяла борт корабля. Юнга хватался за трос, подтягивался по нему, упираясь ногами в стену, и, повиснув на одной руке, другой должен был моментально привязать себя беседочным узлом. Это получалось не у всех. Гурьке удавалось, а вот Лупало никак. Рука с концом у него запутывалась в тросе, а когда Лупало пробовал усестись в петлю, то неизменно падал. Юнги смеялись, а большой кривоногий Лупало, ворочая глазами, плаксиво говорил боцману:

– Убьюсь вот, отвечать будете...

Петушок особенно доволен был тем, что из-за болезни лейтенанта Соколова прекратились занятия по русскому языку. В душе он надеялся: может быть, этого предмета вовсе не будет. Когда лейтенант Соколов выйдет из госпиталя, его оставят в Савватееве учить грамматике юнгов других смен, а здесь, в кремле, нового преподавателя по русскому языку может не оказаться. Кто из офицеров возьмется вести этот совсем не морской предмет?

И как огорчен был Петушок, когда в классе снова появился лейтенант Соколов!

Урок начался, а он сидел, положив голову на стол, и ничего не делал.

– Юнга Агишин, вы почему не работаете? —

спросил лейтенант Петушка.

Петушок поднялся и недовольно ответил:

– Работаете... Я тетрадь в кубрике оставил.

– Сейчас же сходите за тетрадью.

Петушок вышел из-за стола и медленными заплетающимися шагами побрел из класса. За тетрадью он ходил очень долго. Когда вернулся в класс, урок уже подходил к концу.

Юнги упражнялись в правописании частиц «не» и «ни» с существительными.

Петушок вырвал из тетради листок, посмотрел некоторое время на потолок, беззвучно шевеля губами, потом написал:

За окном мелькают птицы. Все короче дни. А ты учи несчастные частицы НЕ и НИ.

Листок со стихами он пустил по классу и стал рисовать в тетради спасательный круг. Вся тетрадь у него была разрисована корабликами, якорями, флагами.

Он не заметил, как лейтенант Соколов поднялся из-за стола и пошел по классу. Жора Челноков, сидевший рядом с Петушком, хотел предупредить его об опасности и прошептал:

– Полундра!

Но было уже поздно. Лейтенант стоял рядом, смотрел на рисунки Петушка, и на скулах у него выступили красные пятна.

– Что это у вас? – спокойно спросил лейтенант, хотя видно было, что он едва сдерживается.

– Рисунки, – ответил Петушок, поднимаясь с места.

– Разве сейчас урок рисования? Эта тетрадь

по какому предмету?

Лейтенант взял тетрадь, посмотрел на обложку и прочитал вслух:

– Тетрадь по русскому языку юнги второй смены первой роты Петра Агишина.

Он полистал тетрадь. Кое-где в ней встречались безалаберные записи правил из грамматики, отдельные предложения, но больше всего было рисунков, каких-то линий и вообще всякой грязи, недопустимой в ученической тетради.

– Отправляйтесь с этой тетрадью обратно в кубрик. К следующему уроку вы перепишите все сначала. На вас будет наложено взыскание.

Лицо лейтенанта было бледно, но он все-таки сдерживался и говорил негромким глуховатым голосом.

– Ну и пойду! – вспыхнул Петушок. – Сажайте на гауптвахту! А учить ваш русский язык я все равно не буду. Я в гражданке бегал от этого русского языка, а тут опять он! Не буду учить!

Петушок вышел из-за стола и быстро пошел к двери.

– Тоже – лейтенант! – озлобленно бросил он на ходу.

В это время прозвенел звонок. Гурька выскочил вслед за Петушком из класса. Его оскорбило поведение Агишина. Он любил лейтенанта и считал, что поступок Петушка задевает и его, Гурьку.

– Агишин! – позвал Гурька Петушка, догоняя его на улице. – Постой-ка!

Петушок остановился. В руках у него была свернутая в трубочку тетрадь. Гурьку он встретил нахмуренным, отчужденным взглядом.

– Чего тебе?

– Ты сказал лейтенанту, что не будешь учить

его русский язык. Значит, ты сказал, что русский язык не твой язык, а лейтенанта. А лейтенант кто? Русский? Русские с фашистами воюют. Немцы казнят их за то, что они говорят по-русски. А ты... А ты... Ты, значит, тоже фашист!

Гурька размахнулся и ударил Петушка в скулу. Тот упал в снег и запричитал:

– Ой-ой-ой!... Подожди!... Тебе тоже попадет... Подхалим!

Гурька повернулся и хотел уже возвратиться в класс, но остановился и, глядя на Петушка большими глазами, спросил:

– Что?... Что ты сказал?...

Но Петушок струсил. Гурька мог расправиться с ним еще не так. Жалкий, опрокинутый на спину Петушок лежал на снегу, боясь подняться на ноги, и молчал.

– Возьми сейчас же свое слово обратно, – сказал Гурька и нацелился ногой в веснушчатое лицо Петушка. – Ну!...

Петушок отполз немного и сказал:

– Беру. Ладно. Привязался тоже...

– Ну, то-то! – сказал Гурька и отвернулся.

25

На другой день Петушок исчез. Его искали всюду и нигде не находили.

Остров уже обмерз кромкой льда, и корабли из бухты Благополучия не выходили. Значит, с Соловков юнга уехать не мог. Допросили часовых караула, стоявших у ворот, но они уверяли, что никого без увольнительных из кремля не выпускали. Позвонили в Савватьево. Там Петушка не видели. Искать его надо было только в кремле.

Территория кремля небольшая. Однако за пять столетий в нем нагородили столько ходов, глухих помещений, что при желании в них можно спрятать целый батальон да так, что не скоро отыщешь.

Лейтенант Соколов, хорошо знавший кремль, возглавил поиски Петушка. Вместе с ним пошли Гурька и Ваня Таранин.

Сначала обошли все стены крепости. В верхней части их сделан коридор, покрытый тесовой крышей. Он соединяет все восемь башен, в которых в три-четыре отверстия выставлялись дула пушек и пищалей. Сейчас в башнях было пусто, веяло холодом и подвальной сыростью.

Гурька с робостью и любопытством осматривал пыльные стены башен, сложенные из огромных камней. В бетон, которым залиты промежутки между камнями, вставлены большие железные кольца. Лейтенант сказал, что в них продевается цепь, которой узники приковывались к стене на долгие годы.

Иногда приходилось пробираться через такие узкие проходы, что, казалось, еще немного – и скользкие от сырости стены зажмут их и не выпустят обратно.

Соколов светил фонариком. Куцый луч постоянно упирался в каменные глыбы, скользил по многовековой плесени и толстому слою пыли в углах. Из них выскакивали огромные крысы.

Никто не говорил ни слова. Только лейтенант время от времени бросал короткое «осторожно» на поворотах или когда под ногами оказывался спуск из каменных ступеней. Голос лейтенанта звучал глухо, словно Соколов был не рядом, а где-то далеко впереди.

Гурька шел за лейтенантом. Он вымазал руки о стены – все время приходилось опираться на них, чтобы не упасть. Сначала прикосновение к холодным камням заставляло содрогаться. По спине пробегали мурашки, особенно если в ноги неожиданно тыкалась напуганная светом крыса. Потом робость прошла, хотя все еще казалось, что руки могут схватиться за что-нибудь ужасное.

Коридор, которым шли лейтенант и юнги, кончился. Впереди были тяжелые двери. Открыв их, они вошли в небольшое помещение. Луч фонарика осветил прокопченные и прозеленевшие стены. Малюсенькое оконце с двумя решетками едва пропускало узкую полоску сумеречного света.

Гурька оперся о стену, и тотчас же отдернул руку:

– Ой!

Стоявший впереди лейтенант повернулся, осветил фонариком испуганное лицо Гурьки, потом стену. В ней торчал острый железный крюк, покрытый влажной ржавчиной.

– Укололся? – озабоченно спросил Соколов.

– Ничего... Я просто напугался, думал, что схватился за что-то такое...

– Здесь можно встретить вещи, – сказал лейтенант, – которые каждого приведут в ужас.

В этом помещении находилась стража.

Лейтенант поводил лучом фонарика по стенам. В них имелось несколько узких крепких дверей. В промежутках между дверями из кирпича сделаны скамейки для стражи.

– Здесь узников наказывали плетью и пытали во время допросов. Страже запрещалось разговаривать с заключенными, давать им бумагу или карандаш и даже бересту с углем, чтобы несчастные не могли сообщить что-нибудь на волю.

Лейтенант подошел к одной из дверей и открыл ее. Юнги увидели небольшую комнату, похожую на ящик, шага четыре в длину и шага три в ширину. В каземате сделан каменный выступ. Осветив его фонариком, лейтенант сказал:

– Тут узник спал.

Луч фонарика скользнул по каменному полу, потом по стене. В нее вделано железное кольцо, как и те, что юнги уже видели в башнях. На небольшом каменном выступе стояла какая-то дощечка. Лейтенант поднес к ней фонарик. Сквозь густой слой пыли юнги увидели на дощечке изображение.

– Иконка, – сказал лейтенант. – Единственная вещь, которую разрешалось иметь узнику при себе в каземате.

Когда луч фонарика скользнул по стене, Гурь-ка воскликнул:

– Пойдите!

Он взял иконку и стал очищать ею со стены пыль и плесень.

На стене виднелись какие-то царапины. Постепенно надпись проявилась, и юнги прочитали:

– 14 декабря 1825 года.

– Декабристы! – сказал Гурька. – Здесь сидели декабристы.

– Да, Бантыш-Каменский и Шахновский, —

заметил лейтенант. – Но не только Шахновский и Бантыш-Каменский были сосланы сюда после бунта декабристов. В Соловки царь Николай I, или, как его прозвали, Николай Палкин, за принадлежность к тайному обществу декабристов сослал двух студентов Московского университета Михаила Критского и Николая Попова.

Лейтенант и юнги долго смотрели на стену, словно каждый хотел увидеть руку того, кто, может быть, в последний час перед своей смертью начертал знаменательную дату.

Ваня спросил:

– Куда же делся Агишин?

– Знали бы – не искали, – сказал Гурька. —

Может, покричать?

– Кричать бесполезно, – сказал лейтенант. —

А впрочем, попробуйте.

Гурька и Ваня вместе крикнули:

– Пе-е-тя!

Но голоса их показались такими слабенькими, что, даже за порогом каземата, наверное, были не слышны.

– А ну, еще раз, – попросил лейтенант.

– Аги-и-шин!

Ребята кричали изо всех сил, но звук точно растворялся в каменных стенах, уходил в них, не рождая отклика, и сразу обрывался. Гурьке даже показалось, что он еще стоял с открытым ртом и кричал, а звук его голоса исчез, точно слово вылетело прежде, чем он успел произнести его, и сразу погасло.

Лейтенант грустно усмехнулся:

– Когда здесь пытали людей, они кричали не по– вашему, но голоса их никто не слышал. Там, наверху, молились, говорили с богом о милосердии, добре, а здесь под пытками человек раздирает себе в крике рот, и никто не мог услышать его.

Они вышли на улицу, и свет пасмурного серверного дня им показался таким ослепительным, что заболели глаза. После затхлого, пахнущего плесенью острога легкие обжигал здоровый морозный воздух. Каждый вздох высоко поднимал грудь, и гулко колотилось сердце.

Лейтенант сказал:

– Поищем в другом месте.

Они пошли через двор кремля и остановились у Арестантской башни.

– Здесь была тюрьма пострашней той, что вы видели сейчас. Тут монахи вырыли в земле ямы. Сверху они прикрывались деревянной крышкой с небольшим отверстием. Через него посаженному в яму подавалась пища. Это была земляная тюрьма. Бывало, что на обессиленного человека в яме нападали крысы, объедали ему уши и нос. Но страже запрещалось давать узнику хотя бы палку для защиты от крыс. Один из стражников нарушил этот запрет, и его самого сначала выпороли, а по том тоже посадили в земляную тюрьму.

Гурька посмотрел себе под ноги, потом окинул выложенный булыжником угол двора, словно хотел увидеть то, о чем рассказывал лейтенант.

Соколов понял его и сказал:

– Земляной тюрьмы уже давно нет. Но здесь сохранились другие ужасные углы. Самых опасных преступников царское правительство заточало в специальные «молчальные комнаты», эти крохотные каменные мешки, в которых узники могли спать только согнувшись. А если узник начинал кричать, ему вставляли в рот кляп – грязную тряпку. Ее вынимали изо рта только для того, что бы несчастный мог поесть. Никакого сношения с волей ему не полагалось. О человеке забывали на долгие годы. Его никто не видел, и он тоже никого не видел, кроме стражи, всегда молчаливой. Когда заключенные жаловались царю на тяжелые условия заточения, – продолжал лейтенант, – он на это отвечал, что узники должны быть ему еще благодарны, потому что он сохранил им жизнь. А вы видите, какая это была жизнь. Случалось, что кто-нибудь из посаженных в такой каменный мешок, не выдержав мучений, произносил страшные слова: «Слово и дело». Эти слова значили, что человек, сказавший их, знает какую-то важную государственную тайну. Ими пользовались доносчики, которые хотели выдать кого-либо царю. Такого человека немедленно доставляли в Москву и спрашивали, почему он сказал: «Слово и дело»? Иногда соловецкие узники пользовались этим. Их тоже везли в Москву. Там они что-нибудь лгали. Их били плетью, пытали раскаленным железом, вывертывали руки. И если человек оставался еще жив после всех перенесенных пыток, его отправляли обратно сюда. Люди знали, на что они идут. Но они терпели все страшные муки, чтобы хотя бы на время вырваться из каменного мешка, взглянуть на солнце. Путешествие от Соловков до Москвы и обратно в те времена занимало несколько месяцев. И если человек просидел в таком узилище пятнадцать-двадцать лет, эти два месяца казались ему праздником.

– Двадцать лет! – воскликнул Гурька.

– Сидели и больше. Вятский крестьянин Семен Шубин просидел в соловецком остроге более пятидесяти лет... Однако надо искать Агишина. Пойдемте.

Они снова спустились в лабиринт старого острога, обошли несколько казематов, прокопченных и прозеленевших. Сырость и холод от каменных глыб-валунов, влежавшихся в суровую землю острова, сказывались ознобом во всем теле.

Гурька крепко сжимал зубы, чтобы сдержать дрожь. Хотелось вернуться и никогда больше не заглядывать в это древнее узилище.

Его одолевало сомнение: зачем Петушок мог забраться сюда? Там ли они его ищут?

Луч фонарика скользнул по боковой стене, потом утонул в узком проходе, ведущем куда-то влево. Проход был настолько узок, что лейтенант задевал за его стены плечами.

Гурька снова испытывал неприятное чувство от прикосновения к тупым, влажным выступам камней. Иногда пальцы давили мокрицу или скользили по каким-то липким наростам.

Боясь споткнуться и удариться обо что-нибудь, он шел теперь последним и держался за спину идущего впереди Вани. Здесь не хватало не только света, но и воздуха. Резкий запах плесени ударял в нос, пахло еще чем-то горьким и противным. В остроге нет печей. Стены его никогда не прогревались, даже летом.

Наконец лейтенант остановился. Через его и Ванины плечи Гурька увидел, что впереди была какая-то совсем узкая дверь.

Лейтенант протянул:

– Да-а... Вот и одна из «молчальных комнат».

Тут, однако... камень.

Он нагнулся и посветил фонариком вниз.

– Кто же завалил дверь камнем? Он выпал вот отсюда, из стены, и, как видно, недавно.

– Ну и пойдемте отсюда, – сказал Ваня, у которого так же, как и у Гурьки, от недостатка воз духа спирало дыхание. Ему тоже казалось, что они напрасно ищут Петушка в этих трущобах. Его сюда калачом не заманишь.

Лейтенант несколько раз ударил ногой в дверь. Удары прозвучали странно, точно за дверью не было пространства, а продолжалась каменная стена.

Фонарик осветил в верхней части двери маленькое отверстие, забранное решеткой. Лейтенант направил луч через это отверстие внутрь каземата, заглянул туда и вдруг резко отшатнулся от двери, так, что чуть не свалил стоявшего рядом за спиной Таранина.

– Там кто-то есть, – сказал лейтенант.

Он нагнулся и стал отодвигать камень от двери. В узком коридоре для него надо было освободить место. Юнгам пришлось попятиться назад.

Наконец камень убран. Лейтенант открыл дверь, и в свете луча от фонарика Гурька и Ваня увидели лежащего на полу Петушка. Около него валялось несколько банок с консервированной американской колбасой. Одна банка была открыта.

27

Накануне вечером вторая смена заступила в наряд дежурить по камбузу. Юнги помогали кокам получать со склада продукты. Гурька нес ящик со сливочным маслом, которое выдавалось во время утреннего чая. Ваня Таранин взвалил на плечи мешок с сухими фруктами для компота. Мясо заменяла американская консервированная колбаса. Ее таскали Лупало и Петушок. Гурьке и Ване пришлось сходить на склад еще несколько раз за сахаром, рыбой и чаем. Придя в разделочную, они застали там только Лупало.

– А где Петушок? – спросил Гурька.

– Вышел куда-то, – ответил Лупало, отправляя в рот кусок колбасы.

Банок с консервированной колбасой было несколько сот. Каждую надо открыть, извлечь из нее кирпичик колбасы и разрезать его на кусочки для закладки в котел.

Гурька предложил работать конвейером – каждому выполнять определенную операцию. Ваня Таранин был занят только тем, что открывал банки. Лупало извлекал из них колбасу, а Гурька резал ее на кусочки. Гурька не успевал. Открыть банку и опростать ее можно куда быстрее, чем разрезать мясной кирпичик на дольки. Явно не хватало еще одного человека – помогать Гурьке. А Петушок что-то долго не возвращался.

– Куда же он провалился? – сердился Гурька.

Лупало ответил:

– Придет.

Ваня сказал:

– А может, его заставили делать что-нибудь другое?

– Придет, – повторил Лупало. – А если, например, чистить картошку, то он не пойдет. То ли дело колбаса...

Он отправлял в рот один кусок за другим. Гурька сказал:

– Больше живота все равно не съешь.

– Ясно, не съем. А все-таки... Картошки вон тоже много. Пойди поешь... Крахмал один и только. А это колбаса. Американская.

В разделочную вошел кок. Увидев первым Гурьку, он позвал его:

– Пойдем, юнга, со мной.

Он привел Гурьку в комнату, где стояли две большие ванны. В ваннах вымачивалась соленая треска.

– Берись за морскую свининку, юнга, – по шутил кок и протянул Гурьке большой тяжелый нож, похожий на топор. – Будешь разделывать треску и складывать ее вот в тот лагун.

Показал, как надо разделывать треску для второго, и ушел, оставив Гурьку одного и пообещав послать ему на помощь еще кого-нибудь из юнгов.

Петушка хватились на другой день, когда узнали, что он ушел с камбуза накануне и не возвращался на дежурство до сих пор. Боцман Язьков искал его во всех уголках столовой, сходил в кубрик к дневальным. С тех пор как смена заступила в наряд, никто из юнгов там не появлялся.

...И вот Петушок лежал без сознания на полу «молчальной комнаты» старого монастырского острога.

Лейтенант и Ваня подняли его и понесли к выходу.

Гурька шел впереди и освещал фонариком путь.

Лейтенант повторял:

– Ай да Агишин!... Ай да Агишин!...

На свежем воздухе Петушок пришел в себя. Его поставили на ноги. Он тер глаза, потому что дневной свет ослепил его, потом встряхнулся и помахал руками.

– Ты как туда попал? – спросил лейтенант.

Петушок вдруг обнял лейтенанта и заплакал.

Не вытирая слез, он стал рассказывать, как Лупа-ло послал его припрятать банки с консервированной колбасой, как кто-то захлопнул за ним дверь каземата, когда он вошел в него, и потом он не мог ее открыть.

– Дверь никто не закрывал за тобой, – сказал ему лейтенант. – Ее завалил камень, который выпал из стены. Он ударил по двери, а потом загородил ее. Да как же ты пробрался туда? Ведь там темно.

Петушок достал из кармана спичечную коробку. Она была пуста.

Он снова залился плачем и, прижимаясь к Соколову, пролепетал, едва выговаривая слова:

– Вы спасли меня, товарищ лейтенант... Я ни когда больше не буду... Никогда... никогда. Я буду учиться хорошо. Вот увидите. Я буду хорошо заниматься по русскому языку.

28

В воскресенье юнги готовились к увольнению. Лупало поленился надраить бляху, а бросил ремень Николаю на койку:

– Подрай мою.

Николай взял оба ремня, коробочку с зубным порошком, пузырек с бензином, щетку и отправился в коридор.

То, что Николай пошел чистить, кроме своей, еще и бляху Лупало, видели Гурька и Митя Коробков. Стыдить и уговаривать Лупало бесполезно. Кроме грубости, от него ничего не дождешься. Трое суток гауптвахты за историю с колбасой ничего в нем не изменили. Но надо же кончать с его паразитическими замашками. Жалобы старшим среди юнгов были исключены. К тому же в это время в кубрике были одни юнги. Командир смены боцман Язьков ушел в канцелярию за увольнительными записками и билетами на концерт в Дом флота.

Гурька и Митя вышли вслед за Лизуновым в коридор.

Николай устроился у окна. Он мочил тряпку в бензине, макал ею в насыпанный на газету зубной порошок и мазал этой смесью свою бляху.

Ремень Лупало лежал рядом на подоконнике.

– Будешь чистить? – спросил Гурька Николая, показывая глазами на ремень Лупало.

Николай посмотрел поочередно на Гурьку и Митю и, обнажая в улыбке редкие острые зубы, сказал:

– А долго ли? Для кореша можно и подраить.

Митя спросил:

– В холуи записался?

– Причем тут холуи? Человек попросил, ну и...

Гурька вспыхнул:

– Он тебя не просил, а приказал. Чин-то у него такой же, что и у тебя? Ординарцев ему иметь еще рано.

Лизунов слез с окна.

– Да ведь он потом...

– Пускай попробует, – сказал Гурька. – А. ты не бойся. В обиду тебя не дадим. Пойди и брось ему ремень обратно. Сам надраит.

– Да ты иди, иди, – подтолкнул Митя Николая, сунув ему ремень в руку.

Гурька сказал:

– Про нас ничего не говори ему. Не думай, что мы боимся. Просто скажи ему, что не хочешь, и все. А мы тут будем.

– Ну, смотрите... Если что, я крикну...

– Выручим.

– Но кормой не виляй!

Николай вернулся в кубрик и через минуту вышел из него вместе с Лупало.

Митя и Гурька ждали неминуемого скандала.

Но Лупало улыбался. Он почувствовал за необыкновенной смелостью Лизунова что-то неладное, а увидав Гурьку и Митю в коридоре, все понял. Подойдя к окну, он спросил, все так же улыбаясь.

– Кто последний за щеточкой?

– Ты, – сказал Гурька.

У него и Мити бляхи были уже начищены.

– И запомни, Лупало, – сказал Гурька, – если будешь ординарцев искать среди юнгов, у нас с тобой будет разговор. Мы судить тебя будем всей сменой. И никакие запугивания тебе не помогут.

Нас ты не запугаешь. Соберемся и вынесем решение просить, чтобы тебя отчислили из школы. Покрывать и защищать тебя никто не станет.

Вскоре вернулся из канцелярии боцман Язь-ков, и была дана команда построиться на увольнение.

Боцман внимательно осматривал каждого юнга: поглажены ли брюки, хорошо ли сидит бескозырка, начищены ли ботинки, блестят ли пуговицы и бляхи.

– Лупало, выйдите из строя.

– Почему? – удивился Лупало самым невинным образом, медля с выполнением приказа.

Язьков повысил голос:

– Юнга Лупало, выполняйте приказание! Лупало сделал два шага вперед, повернулся кругом и встал лицом к строю.

– Юнга Лупало, слушайте мою команду, – продолжал Язьков. – Кругом! Два шага вперед, марш!

Теперь все увидели, что ленточки на бескозырке у Лупало свисали ниже поясицы. Это было грубым нарушением установленной формы.

Боцман подошел к Лупало и снял с него бескозырку. Он хорошо разбирался не только в морских узлах, но и в том, как флотские форсуны вплетают дополнительные ленточки, чтобы удлинить ту, которая положена по уставу.

Ловкие пальцы Язькова быстро отвязали ленточку, и бескозырка вернулась на голову хозяина.

– Можете быть свободны, – сказал боцман Лупало. – Разговаривать с вами будем потом. Сегодня вы лишаетесь увольнения. Юнга Захаров, раздайте увольнительные, и тем, кто желает, билеты на концерт.

– Есть раздать билеты и увольнительные.

Смена вышла на улицу и снова построилась в три шеренги.

– Запевай песню! – подал команду Язьков.

Мы, юнги флота, крепки, как бронь...

Песню сочинил кто-то из офицеров учебного отряда, и пелась она на мотив всем хорошо известной песни об артиллеристах. Мотив не новый, но слова в ней говорили о юнгах, будущих воинах морского флота.

Гурьку радовали слова песни и ясный солнечный день, какие на Соловках случаются нечасто, и то, что Лупало получил отпор.

29

В клубе самодеятельные коллективы соловецкого гарнизона давали концерт.

До начала концерта в фойе шли танцы. Гурька и Митя рассматривали картины на стенах. Вот изображен морской десант. Моряки идут из воды на берег с суровыми, решительными лицами, с автоматами и винтовками в руках. Рядом поднимаются водяные столбы от рвущихся снарядов, а вдали маячат корабли, высадившие десант.

На этой же стене висел фотомонтаж, рассказывающий о боевой жизни моряков Северного флота. Тут были портреты героев-североморцев Колышки-на, Сафонова, Кислякова, Сивкова, Шабалина, снимки атаки морских пехотинцев на полуострове Рыбачьем, кораблей в боевом походе.

Какая-то девочка остановилась около Гурьки, рассматривая надпись на ленточке бескозырки. Гурька спросил:

– Прочитала? Что написано?

– Салага, – спокойно сказала девочка и пошла дальше.

Гурька чуть не подпрыгнул от обиды. Далось же называть юнгов салагами? И кто называет? Девчонка! Да как она смеет оскорблять надпись «Школа юнгов»? Все девочки его родного города загляделись бы на эту надпись. Драться с девчонками здесь, конечно, нельзя. А жаль. Гурька показал бы ей салагу.

Расстроенный, он пошел к Мите, который стоял уже у другой картины. Хорошо, что за музыкой и шумом танцев никто не слышал обидного слова этой сероглазой с косичками. Гурька решил не рассказывать Мите о девочке и молча проглотил обиду.

Каково же было удивление Гурьки, когда его место в зале оказалось рядом с местом девочки-задиры. Она сидела слева от него и разговаривала с подругой, словно ничего не случилось, и она никогда его не видела.

Начался концерт. На сцене хор пел песню про скалистые горы, полуостров Рыбачий и моряка, который тяжелой матросской походкой идет на врага. А соседки не переставали шептаться и мешали слушать. Теперь у него есть повод хоть отчасти расплатиться с обидчицей. Скосив глаза в сторону, он сжал кулак и ткнул девочку в бок, прошепав сквозь зубы:

– Тише, сороки!

Девочка не вскрикнула, чего, откровенно говоря, Гурька ждал от нее, и даже не повернулась к нему, а так больно ущипнула его, что Гурька сам чуть не закричал.

Связываться с этой задирой невозможно. Сидевший сзади офицер обратил внимание на их возню:

– Не балуйтесь.

Гурька притих. Порой он забывал о соседке, хотел устроиться поудобнее в кресле, опереться на подлокотники, но только собирался это сделать, как девочка тут же выставляла свои острые локотки, и Гурьке приходилось выпрямляться или облокачиваться на спинку стоящего впереди кресла. Она следила за ним и дразнила его.

«Ну, подожди... – думал Гурька. – Кончится концерт – поймаю тебя на улице, я тебе припомню!»

Но увидеть девочку после концерта не удалось. Исчезла, точно растаяла.

Во второй раз он встретился с ней совершенно случайно, когда боцман Язьков послал его с пакетом в канцелярию учебного отряда.

Девочка шла ему навстречу, а он не замечал ее, засмотревшись, как рота матросов занимается строевой подготовкой. Девочка задела его за руку и сказала:

– Извините.

Гурька узнал задирку и от неожиданности растерялся. А она стояла рядом, улыбалась и смотрела на него совсем приветливо.

– Пожалуйста, – сказал Гурька, не зная, что еще сказать, потому что девочка стояла и не уходила, глядя на него озорными светлыми глазами. На ней было черное пальто с беличьим воротничком и зеленая вязаная шапочка.

– Вам куда?

– Туда, – махнула девочка рукой в сторону управления учебным отрядом.

– Значит, по пути.

Девочка повернулась и пошла в сторону, противоположную той, в которую только что шла.

– Вы здесь живете? – спросил Гурька.

– Конечно.

– А... родители тоже?

– Да.

– Мать и отец есть?

– Я живу с мамой.

– А зовут как?

– Кого?

– Вас.

Девочка помолчала немного, потом ответила:

– Матильда.

Гурька удивился такому необыкновенному имени, покосился на девочку, но та спокойно шагала рядом и, кажется, не замечала его удивления.

– А фамилия?

– Да вы что только меня спрашиваете? Вот вежливо!

Гурька снова смутился и, должно быть, покраснел.

– Меня зовут Гурьяном. А фамилия Захаров.

– Очень приятно, – сказала девочка.

– А ваша фамилия?

– Моя? Ну, это пока военная тайна. Матильда – и все.

Она повернулась и сказала:

– До свидания.

– Куда вы? Нам же по пути.

– Я передумала. Надо к подруге зайти.

– До свидания.

Матильда пошла обратно, а Гурька смотрел на Золтавшие на ее спине косички и думал:

«Матильда... Пока военная тайна... А может, просто Матрена и никакая не Матильда. А кто этих девчонок разберет!...»

Он пошел своей дорогой, продолжая думать о девочке. В прошлый раз щипалась, не давала спокойно слушать концерт, а сегодня разговаривала, улыбалась, и они с ней теперь почти знакомы.

«Хитрая, – решил Гурька. – И смелая тоже».

30

На столике дневального лежат белые, синие, голубые, розовые конверты, самодельные конверты-треугольники, открытки. Юнги шумно разбирают их с радостными возгласами:

– Ура!

– Ваня, тебе два письма!

– Тебе, Толя, пишут! Скоро придет!

– Дайте я сам посмотрю!

Получивший письмо уединяется, чтобы никто не мешал перенестись мыслями туда, где сам недавно жил и где теперь жили близкие и родные. Отсюда, с острова, дом на Большой земле казался очень далеким.

Первое время, когда приходила почта, Гурька с надеждой шел к столику дневального, но оказывалось, что письма ему нет. Николай получал часто. Алевтина Сергеевна наполняла письма нежными, ласковыми словами, советами и тоской по сыну. Николай иногда давал Гурьке читать свои письма, и Гурька вспоминал о своей матери. Будь она жива, у нее тоже нашлись бы для него хорошие материнские слова.

Письмо Гурьке все не приходило и не приходило. Что же с отцом? Почему он не отвечает на его письма? Гурька не мог допустить, чтобы с отцом случилось в госпитале что-нибудь плохое.

Он уже не бегал сломя голову к столику дневального, а терпеливо ждал в сторонке, не крикнет ли кто-нибудь, что ему тоже есть письмо. Случалось, что и кричали, но это была шутка, она больно ранила сердце, и он готов был избить шутника.

На этот раз Гурьки в кубрике не было. Он дежурил по классу и задержался: приводил его в порядок для передачи следующему дежурному. А когда вошел в кубрик, еще от двери увидел у себя на подушке долгожданный конверт. Сначала подумал, что ошибся – смотрит не на свою койку, потом решил, что кто-нибудь случайно бросил ему чужое письмо.

Он подбежал к койке и сразу узнал на конверте почерк отца. Схватил письмо и некоторое время вертел его в руках, не зная, с какого конца разорвать конверт.

Все письмо Гурька прочитал быстро и сразу, потом принялся перечитывать медленно, каждое предложение в отдельности, вглядываясь в неровные буквы дорогого почерка.

Василий Михайлович писал:

«Дорогой мой сынок Гуря!

Долгое время меня возили из одного госпиталя в другой, и я не знал, когда придет этому конец. Потом привезли в Сибирь. Здесь мне стало хуже, и я едва поправился. Писем ни от кого не получал и не знал, что погибла наша дорогая мама, а ты остался один. Ох, и ненавижу я фашистов!

Сейчас я снова в строю. Бьем проклятых извергов фашистов и гоним их с нашей земли.

Вчера мы ненадолго задержались в деревне, которую освободили. Деревни нет. Ее сожгли гитлеровцы. Из жителей почти никого не осталось. Гады согнали их в школу и сожгли живыми. Из всего населения остались две старухи и девочка твоих лет. Живут они вместе, в одной яме, то есть землянке. Мы им дали хлеба, сахару и немного пшенного концентрата. Больше ничего не успели для них сделать. Надо скорее вызволять других наших людей.

Твое решение учиться в школе юнгов я одобряю. Спасибо товарищам из райкома комсомола, что они позаботились о тебе, хотя ты еще не комсомолец.

Уверен, что из тебя выйдет хороший мститель за нашу маму, за все.

С тем и остаюсь твой отец

В. Захаров».

К Гурьке подошел Николай и спросил:

– Получил?

– Получил.

– Что отец пишет?

– Возьми вот, почитай.

– Давай.

– А ты сегодня тоже получил? Дай почитать.

– Да что мать пишет интересного? Вздохи да наставления разные.

– Так ведь мать! Ну, давай, давай! Мне все-таки интересно. А как же! Из родного города.

Николай достал из кармана письмо матери и протянул Гурьке.

Алевтина Сергеевна писала:

«Милый, дорогой Коленька!

Почему ты так редко пишешь нам? Я очень по тебе скучаю и уже сто раз ругала себя за то, что отпустила тебя. Береги себя, мой дорогой. Сейчас у вас, наверное, ужасные морозы. Ведь ты еще маленький. Помни: береженого бог бережет. Послала тебе денег, да ты не пишешь, нужны ли.

Немцы нас, слава богу, больше не тревожат, и мы живем помаленьку.

Пиши, как твои успехи и здоровье? Хотелось бы повидать тебя, но не знаю, как это сделать.

Целую тебя, мой хороший.

Твоя мама».

Внизу другим почерком написано:

«Коля, честно служи Родине. Наш народ победит врага. Всем, чем можно, надо помогать ему в этом. А ты, надеюсь, расстался с прежними привычками, хорошо ведешь себя и учишься.

Папа».

Адрес на конверте тоже написан рукой Кузьмы Антониновича.

Гурьке больше понравилось то, что написал Николаю отец, хотя еще несколько минут назад он желал почитать именно письмо матери: ведь нет у него мамы, а он так истосковался по материнской ласке.

31

Наступила весна. Бухта Благополучия освободилась ото льда. В зимнее время единственным средством связи острова с Большой землей были самолеты. Теперь в бухту снова заходили суда. Учебный отряд получил несколько новых кораблей. Катер-охотник с несколькими небольшими пушками покачивался у пирса. Юнги уже несколько раз были на катере, с нетерпением ожидая выхода в море.

Старшина первой статьи Цыбенко, моторист по специальности, помогал инженер-капитану Вукулову во время практических занятий, и юнги второй смены снова встретились с ним.

Катером командовал молодой офицер лейтенант Голощапов, провоевавший около года и после ранения посланный на Соловки готовить новое пополнение для кораблей Северного флота.

Наконец наступил день, когда инженер-капитан Вукулов объявил, что завтра юнги выйдут в море.

Весна была в разгаре, и вдоль дорог бежали шумные ручьи. Из разлившихся озер в них попадала рыба. Кое-где ручьи были совсем мелкими, и заплывших сюда окуней можно было ловить руками. Но на трепыхавшуюся в траве рыбу никто не обращал внимания.

Весенний ветерок играл ленточками бескозырок. Юнги шли к пирсу и пели:

По морям, по океанам

Красный вымпел над волной...

Гурька шагал в крайней шеренге и косил глазами на идущего рядом боцмана Язькова. Боцман решил во время похода заняться с юнгами морской практикой. А Гурьке хотелось сразу попасть к двигателю. Допустят ли? Может, заставят скатывать палубу, вязать узлы, драить металл? К двигателю бы!

Но такой уж это был везучий день!... Как только юнги вступили на палубу, лейтенант Голощапов, обращаясь прямо к Гурьке, скомандовал:

– Механизм осмотреть и повернуть!

Гурька стрелой бросился к люку моторного отделения. Он хотел все сделать сам. Но у моторов уже стоял старшина первой статьи Цыбенко.

– Товарищ старшина первой статьи, – обратился к нему Гурька. – Приказано осмотреть и повернуть механизм.

– Давайте будем осматривать.

– Товарищ старшина первой статьи, разрешите мне самому?

Цыбенко будто угадал настроение Гурьки и, помедлив немного, чтобы придать больше значимости моменту, разрешил:

– Добро.

И после этого Гурька уже не отходил от моторов.

Стрелка телеграфа дрогнула, прыгнула и остановилась у надписи: «Самый малый вперед!»

Гурька машинально двинул руками, услышал, как рокотнул, проворачиваясь, вал машины, но, кажется, Гурька сделал это слишком нерешительно, потому что Цыбенко положил свою широкую ладонь поверх его руки и плавно добавил оборотов. Рокот мотора круто загустел, и стрелка тахометра ^[9] резко двинулась вперед.

– Так держать, – сказал старшина.

– Есть так держать!

Хотя не все получалось хорошо, но Гурька торжествовал. Мощный мотор был в его руках. Гурька мог его остановить и запустить снова, если это понадобится.

Но не успел Гурька как следует опомниться, как сверху поступила новая команда:

– Стоп!

Гурька остановил мотор и похолодел: «Может, что-нибудь не так сделал?»

Но стоящий рядом Цыбенко спокойно улыбался.

Гурьку сменил у двигателя Митя Коробков. У других моторов стояли Лизунов и Жора Челноков. Каждый из них выполнял команды лейтенанта Го-лощапова, а старшина и инженер-капитан Вукулов следили, как они исполнялись юнгами.

Гурька поднялся на палубу. Винты будоражили утреннюю гладь моря, и за кормой вскипали буруны, оставляя за катером широкий пенистый след. Вверху хлопало на ветру полотнище военно-морского флага.

32

Лизунов получил телеграмму: мать сообщает, что тяжело заболела, и просит немедленно выехать домой.

В тот же день Николай получил отпуск. На пароходе «Краснофлотец» он выехал в Рабоче-островск. В Кеми пересел с пригородного на поезд дальнего следования. В вагоне ехали одни

военные. Школа юнгов открылась недавно, и никто еще не видел такого маленького хлопчика в морской форме. Прослужив несколько лет в Заполярье, где гражданского населения почти не было, весь военный народ вагона был рад встрече с маленьким человеком во флотском костюме. И жадно тянулась к нему истосковавшаяся по детям солдатская душа. Один матрос уступил место мальчику на средней полке, другой угощал рыбой. Скоро все узнали, как его зовут и сколько ему лет, узнали, что у него серьезно заболела мать, сочувствовали и утешали.

– Мама твоя поправится, – говорил матрос Петр Манухин, уступивший Николаю полку. – Вот приедешь ты, увидит она тебя и поправится. Помяни мое слово, поправится.

Другой, с забинтованной рукой, Семен Скворцов, ехавший куда-то в Сибирь, сказал:

– Эх, моего бы племянника Славку в эту вашу школу! На годок постарше тебя. Уж как ему хочется стать моряком!...

– Летом, наверно, новый набор будет. Пускай подаст заявление в райком комсомола.

– А как ты думаешь, примут?

– Если он физически ничего...

– Парень крепкий. Седьмой класс кончает.

– В радисты, значит, возьмут. С семью классами на радистов учат.

– Специальность хорошая. А ты мотористом будешь?

– Да.

– Тоже хорошо. И вообще на флоте все специальности хороши и нужны. На корабле что артиллерист, что минер, что моторист – одна семья. Не то, что в пехоте. Там кто в поле, кто в лес по дрова. Артиллерист говорит: «Я бог войны». А пехота заявляет: она царица полей. Все боги да царицы... Старорежимье какое-то...

Николай весело засмеялся. Лежавший на верхней полке солдат, имени которого он еще не знал, откликнулся:

– Неправильные твои разговоры, Семен.

Вообще на флоте...

Семен перебил:

– На флоте не как в пехоте. Поговорка есть

такая: пехота, не пыли!

И началась взаимная подначка. На нее моряки особенно мастера, но и солдат за словом в карман не лез и любил говорить складно.

– Флоту без пехоты не взять вражьи доты.

Семен парировал:

– Доты... Видали мы их в Финскую кампанию да такие, что покрутилась бы эта самая пехота вокруг дота без флота.

– Флотский, известно, до тех пор бахвалится, пока в море не свалится.

– Флотский моря не боится. Пехоте море – горе.

Эта веселая словесная перепалка кончилась ужином, потом все вместе затаили:

Спойте, друзья, ведь завтра в поход Уйдем в предрассветный туман.

Спойте веселей, пусть нам подпоет

Седой боевой капитан...

У Беломорска поезд обстреляли немецкие самолеты. Убитых не было, но путь впереди оказался разрушенным. Пассажиры пошли до города пешком.

На вокзале Николаю пришлось просидеть полсутки: ждал поезда на Вологду.

Петр и Семен ушли в продпункт получать по аттестатам паек. Солдат, которого звали Иваном, и Николай сидели в уголке зала ожидания.

Николай все время думал о матери: что с ней случилось? Она прихварывала часто, жаловалась то на голову, то на сердце, но никогда не болела подолгу и серьезно.

Заметив, что Николай невесел, Иван, взяв его за подбородок, сказал:

– Подними до места нос, а то он у тебя повис, как гюйс ^[10] в штилевую погоду.

Николай поднял на солдата глаза. Откуда у него взялось столько морских словечек?

– Чего уставился? – спросил Иван.

– Откуда же вам знать, что такое гюйс?

– Гм... А ты думаешь, что в пехоте не может

быть моряка? А если потребуется, чтоб моряк помог пехоте на суше?

– Так вы моряк?

– Самый доподлинный. Электриком я на корабле плавал. Вот...

Иван развязал вещевой мешок и достал бескозырку с муаровой гвардейской ленточкой.

– А почему вы не носите ее?

– Приеду домой – надену. А пока что вот только это не снимаю...

Иван расстегнул ворот гимнастерки, и Николай увидел сине-белые полосы тельняшки.

– Почему вы не сказали тогда, в вагоне?

– А чего говорить? С Семеном мы просто шутили. Он ведь зачем весь разговор затеял? Видит, что ты нос повесил, о матери горюешь. Ну и, что бы тебя от этих мыслей отвлечь, начал шутить. Сразу-

то и я было не понял его, думал, серьезно. А с Семеном мы кореши, хоть он постарше меня. Он тоже моряк, электрик, понятно?

– А я-то думал!...

– «Думал, думал»... Сказано же, моряки – одна семья. А раз ты запечалился, ну как тебя оставить, чтобы ты невеселый был! То-то...

33

В Вологде Николай расстался с друзьями-матросами. Здесь пришлось сделать еще одну пересадку. Когда оформил проездные документы на следующий поезд, отправил домой телеграмму.

Почти всю остальную часть пути Николай лежал на верхней полке, думая о том, как встретится с отцом и матерью, вспоминал о своих одноклассниках Толе Зубихине и Аркаше Заводчикове. Они, конечно, сразу же прибегут к нему, как только узнают, что он приехал, будут завидовать и расспрашивать о флоте, пригласят к себе в класс. Классная руководительница Майя Трофимовна поведет его показывать учителям и будет говорить о нем только хорошее, а не жаловаться на него, как бывало прежде, что он испортил парту, вырезав ножом свои инициалы; или на то, что дергал Соню Петрухину за косы во время урока.

В поезде на верхней полке было тепло и немного душно. Николай засыпал, видел сны, просыпался и снова засыпал.

– Коленька! – услышал он голос матери, как только появился в дверях еще не совсем остановившегося вагона. – Коленька!

Алевтина Сергеевна шла за вагоном и протягивала к нему руки.

Наконец Николай сошел на перрон, и мать обняла его, целуя и плача.

– Мама, но ты же болеешь? – спросил Николай, когда мать выпустила его из объятий.

– Болею. Но теперь мне лучше, и я вышла встретить тебя.

– А папа?

– Папа недавно уехал на Урал. Там новый завод строит. Я сообщила ему телеграммой, что ты приезжаешь, и он завтра же прилетит.

– А ты, мама, в самом деле болеешь?

Алевтина Сергеевна посмотрела на сына большими, влажными от слез глазами.

– Ты же знаешь, что у меня слабое здоровье. Папа уехал, и я почувствовала себя совсем плохо. Врач Никита Федорович заверил мою телеграмму, чтоб вызвать тебя. Я так по тебе истосковалась. Ну, дай я посмотрю на тебя. Ах ты мой морячок! Но если бы не папа...

Она не договорила, взяла Николая за руку, и они пошли.

Николаю неудобно было идти так с матерью. Чтобы отнять у нее свою руку, он решил поправить вещевой мешок, засунул пальцы за лямки, да так и пошел.

Город был прежним. Каким он его оставил. У продовольственных магазинов в очередях стояли женщины и старики со старыми залатанными кошелками. Краска на домах давно не обновлялась и сползала пятнами, отчего все дома выглядели рябыми. Ворота во двор у многих домов выломаны, очевидно, на дрова. Бледные ребятишки бегают в изодранных брезентовых туфлях на босу ногу, а запачканные заводской грязью ремесленники ходят в непомерно больших шинелях и тяжелых ботинках из яловой кожи.

Около самого дома, в котором жили Лизуно-вы, встретился Толя Зубихин. Он шел из школы. Николай хотел, чтобы Толя сейчас же пошел к нему, но Алевтина Сергеевна взяла сына за руку, сказала:

Коле надо отдохнуть после дороги. Приходи, Толя, завтра.

– Завтра с утра приходите с Аркашей, – сказал Николай, краснея оттого, что мать взяла его за руку, как маленького. – Обязательно приходите.

Дома мать спросила:

– Кушать будешь?

– Буду, мама.

Алевтина Сергеевна ушла на кухню, а Николай прошел в свою комнату. Здесь все оставалось по-прежнему: кровать, покрытая светлым пикейным одеялом, столик, за которым он готовил уроки, этажерка с книгами, а на стене висела голова лося с широкими ветвистыми рогами – подарок отца ко дню десятилетия Николая.

В ящиках стола лежали его ученические тетради и учебники. Он развернул тетрадь по русскому языку и на первой странице увидел жирную тройку. На второй странице стояла жирная двойка.

«Куда все это, – подумал Николай. – Тетради надо выбросить, а учебники отдать ребятам».

– Иди кушать, – позвала мать.

34

На другой день зашли Толя Зубихин и Аркаша Заводчиков. Они долго расспрашивали о школе юнгов. Толя попросил у Николая примерить бушлат и бескозырку, а потом уже не снимал их, хотя в комнате было тепло.

– Знаете, какие морские узлы бывают? –

спросил Николай товарищей и, когда те признались, что о морских узлах они только что-то слышали, но по-настоящему ничего не знают, принялся показывать им на шнуре: – Вот этот узел вы, конечно, знаете. Это прямой узел, каким бабы и вообще все гражданские завязывают. А вот как вяжется рифовый. Попробуй, сорви его. – Он подал Толе узел, тот потянул его за один конец, потом за другой, но узел держался. – А вот, смотри. Раз!... И узла нет. Если бы найти подходящий трос, я показал бы вам беседочный и боцманский узлы. Они посложнее. А вот «кошачьи лапки».

Толя спросил:

– А почему это говорят, что корабль идет со скоростью столько-то узлов в час?

– Неправильно говорят. «В час» не надо говорить. Просто: корабль идет со скоростью, например, тридцати узлов. Если корабль проходит один узел, то значит, что проходит он одну милю в час. Миля и есть узел. А чему равняется одна морская миля? Одной тысяче восьмистам пятидесяти двум метрам. Есть еще кабельтов. Это десятая часть мили.

Потом Николай рассказал о Соловках, о множестве рыбы в озерах, о древнем кремле.

Аркаша слушал внимательно, а потом сам рассказал другу, как они, ученики седьмого класса, собирали металлический лом, готовили подарки для бойцов фронта, организовали тимуровскую команду и помогали семьям тех, кто воевал.

– Толина фюзеляжная модель, – сказал Аркаша, – установила новый городской рекорд.

– Правда, Толик?

– Правда.

– Трави баланду! – усомнился Николай скорее для того, чтобы щегольнуть морским словечком.

– Нет, правда, правда.

– Трави до жвака-галса!

– А что такое жвака-галс^[11]?

Николай снова овладел вниманием товарищей. Он рассказывал, а его слушали. Теперь он чаще вставлял «полундру», «амбу», «курс», «дрейф», «пеленг» и другие мудреные морские слова.

Аркаша все-таки выбрал момент в Николаевой трескотне, спросил:

– Захаров как там?

– Ничего, вкалывает.

Толя сказал:

– А отец его здесь, в городе.

– Ну?!

– Правда, правда. По ранению приехал.

С костылями ходит. В ногу ранили его. Мы ему сказали про тебя. Обещал зайти к вам.

– Вот здорово! Гурьку бы сюда. Нельзя. Не отпустят.

– А тебя отпустили?

– Меня? У меня мать больная. Врач телеграмму заверил.

Николай почувствовал себя неловко и заторопился пригласить друзей на вечер, который решила устроить мать в честь его приезда.

Василий Михайлович Захаров зашел к Лизу-новым в тот же день.

– Моряк! – воскликнул он, глядя на Николая. – И Гурька мой таким же манером одет? Моряки – сила! На юге фашисты зовут их «черной смертью». Очень боятся фашисты моряков.

Он то вертел в руках костыль, то клал его рядом с собой на стул, то ставил и опирался на него.

– Гурьян-то там как, а?

– Служит.

– Служит? Ишь ты! А школа ваша где находится?

– На Соловках. Остров есть такой в Белом море.

– Там монастырь, что ли, до революции был?

Николай рассказывал о Соловках, о том, как ехали туда, как строили землянки, об учебе и первых выходах в море.

Василий Михайлович слушал, кивал головой, вздыхал, а иногда удивлялся:

– Скажите, а!

– В конце он справился:

– А фашистские самолеты у вас не бывают?

Ну, это хорошо, если они, подлецы, туда дорогу еще не узнали. Я думаю поехать на Соловки. А что мне здесь делать? Воевать я пока не могу, так хоть с сыном повидаюсь. Сам-то ты когда собираешься обратно уезжать?

– Он еще поживет дома, – вмешалась Алевтина Сергеевна. – Отпуск у него кончится через восемь дней, тогда и поедет.

– А... Конечно, конечно, пускай поживет, отдохнет. – Василий Михайлович расспросил Николая о дороге и сказал, что завтра же оформит документы и отправится в путь. Он ушел, отказавшись от чая.

Вечером, когда к Лизуновым собрались гости, с Урала прилетел Кузьма Антонинович.

– Ну, моряк, как идет служба?

Отец обнял и поцеловал Николая, но при посторонних ни о чем больше спрашивать не стал.

К Николаю пришли Толя, Аркаша, Соня Петрухина и Зина Мамусина.

Соня Петрухина не спускала с Николая глаз. Она о чем-то шепталась с Зиной, бледной, застенчивой девочкой, жившей в одном доме с Николаем, через площадку напротив.

Когда закусили и напились чаю, Николай пошел со своими друзьями к себе в комнату.

Соня сказала, что в субботу в школе будет вечер седьмых классов, и Николай обязательно должен на него прийти.

Аркаша предложил написать юнгам письмо, обсудить его на вечере и потом послать с Николаем.

– О чем же мы напишем юнгам? – спросил Толя. – О двойках да пятерках?

– И об учебе напишем, – ответил Аркаша. – Ведь они тоже учатся.

– Учеба учебе рознь, – не сдавался Толя. – Как ты думаешь, Николай?

Николай, конечно, не мог согласиться, чтобы школу юнгов Военно-Морского Флота равняли с гражданской школой. Но он не успел ответить Толе. Его опередила Соня:

– Вот и неправильно. За знания надо везде бороться. А потом это интересно – переписываться с юнгами. Правда, Николай? Ведь вам тоже будет интересно получать от нас письма?

– Да, это неплохо придумано, – согласился Николай. Он уже устал рассказывать про школу юнгов и Соловки, а к нему все приставали с расспросами, и он отвечал неохотно и коротко.

Почти все примерили бушлат и бескозырку Николая. Толе хотелось примерить и тельняшку, но раздеваться при девочках было неудобно. А те заспешили:

– Пойдем, Соня, а то они решат еще и брюки примерять.

Николай пошел проводить девочек. Зина простилась, как только вышли на площадку. Света на лестнице не было. Николай поддерживал Соню за руку, чтобы она в темноте не оступилась.

Когда спустились вниз, Соня спросила:

– На вечер придешь?

– Обязательно приду.

– А ты пораньше. К нам в класс приходи.

– Хорошо.

Николай наклонился и поцеловал Соню в щеку. Она отшатнулась и сказала:

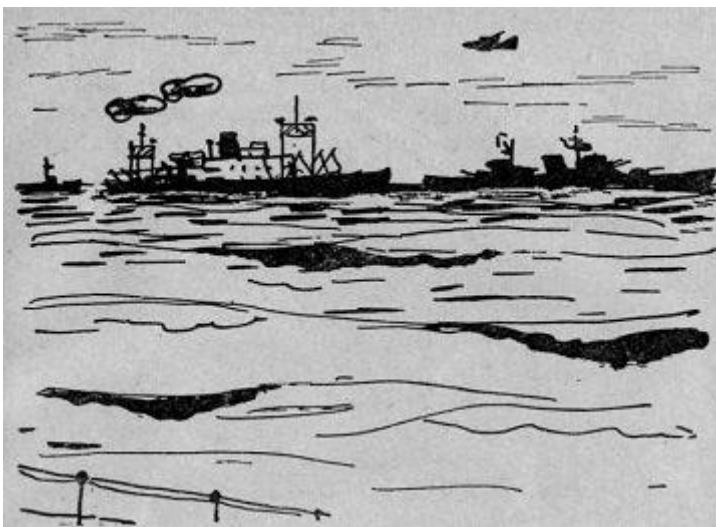
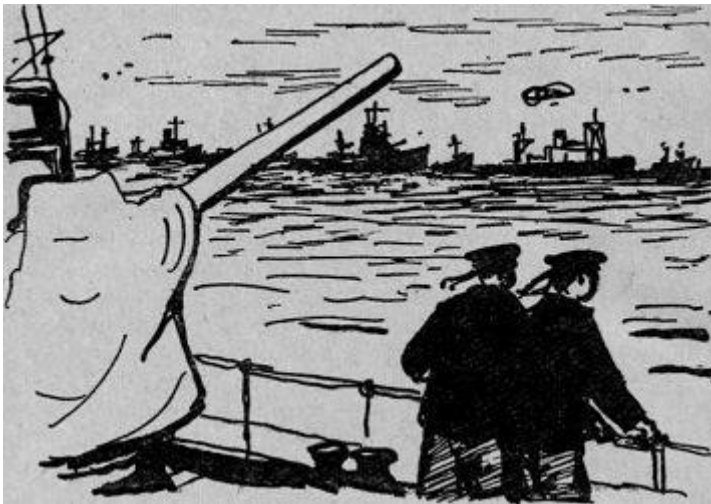
– Ну вот, выдумал тоже. Я скажу матери.

И убежала.

Вскоре гости разошлись. Лежа в постели, Николай слышал, как в столовой нервно ходил отец. Доносились отдельные слова:

– Нехорошо... Не надо было этого делать... Права и обязанности у всех одинаковы... Ты портишь его...

А мать плакала.

Вторые сутки катер находился в плавании, далеко от Соловков, в самом горле Белого моря.

В небольшом кубрике свободные от вахты юнги и матросы играли в домино.

Оба дня, пока катер находился в море, серые сплошные тучи не сходили с неба. Густой, как завеса, туман вползал узкой полосой из Баренцова в Белое море.

Гурька смотрел на пенистый кильватерный след, на плотную пелену тумана, на черные цилиндрики небольших глубинных бомб. Две такие бомбы были сброшены накануне с учебной целью, когда была «обнаружена» лодка «врага».

Бомбы взрывались на небольшой глубине. При этом море точно лопалось. Высоким лохматым султаном поднимался водяной столб, а от него молниями разносились во все стороны водяные стрелы.

Навстречу катеру двигался караван транспортов. Громадные грузовые суда шли под охраной эсминцев.

За спиной Гурьки кто-то воскликнул:

– Вот это сила!

Гурька оглянулся и увидел Жору Челнокова. Черные глаза приятеля возбужденно блестели.

– Гурька, а!

Корабли шли неторопливо, точно устали после долгого пути и теперь им уже не надо спешить. Только в стройных с четкими острыми обводами эсминцах угадывалась какая-то порывистость, как будто их придерживали, а им хотелось ринуться вперед.

Над караваном появился самолет.

– Чей это? – спросил Жора.

– Наш, конечно. Если бы немецкий, корабли открыли бы по нему огонь.

– Интересно, немцы нападали на них или не нацрадали?

Гурька пошутил:

– А ты спроси. Возьми сигнальные флажки и просемафорь: «Доложите, встречались ли с вами немцы».

– Да, так они и ответят.

А каравану, казалось, не было конца. Десятки кораблей вытянулись в одну кильватерную колонну. Над некоторыми из них невысоко висели серые баллоны аэростатов заграждения. Глаза ребят привлекла броня эсминцев и стройные стволы их орудий. Корабли шли без дыма. Но от работы множества машин над морем стоял глухой утробный гул.

Поднятые винтами кораблей волны докатывались до катера, ударялись о невысокий борт и рассыпались брызгами, сливались с пенистым следом в кильватере.

36

Между тем катеру пора бы уже возвращаться и идти обратно к Соловкам. Но лейтенант Голощапов решил дойти до мыса Воронова, через который в Белом море проходит Северный полярный круг.

Юнгам тоже хотелось достичь Полярного круга. Они столько читали об исследователях Северного полюса, о папанинцах, что Северный полярный круг для них казался чем-то очень заманчивым, хотя от него до полюса еще очень и очень далеко.

Тучи на небе сползали на восток, и море посветлело. Белые чайки пролетали над волнами, высматривая добычу. Иногда они падали на воду и оставались на ней, как маленькие комочки ваты.

Гурька спустился в моторное отделение и заступил на вахту. Моторы ровно гудели на одной баритонной ноте. Все было в полном порядке.

Митя Коробков свистнул резким мальчишеским свистом сквозь зубы и, когда Гурька повернулся к нему, поманил его рукой.

– Иди сюда.

Гурька подошел к Мите, вытирая ветошью руки.

– У нас есть предложение, – сказал Митя, показывая глазами на стоявших рядом Жору Челнокова и Петушка. – Вернемся из похода – и на рыбалку. Как ты думаешь?

Петушок спросил:

– А с удочками как быть? Моя осталась в Савватьеве.

Да, самодельные удочки остались в Савватьеве. Когда смена переезжала в кремль, никто не догадался захватить их с собой.

– Удочки сделаем, – успокоил Митя. – Недавно я зашел в магазин. Крючков, лесок, поплавков – прорва! Наверное, еще довоенные.

Гурька спросил:

– А деньги?

Денег ни у кого не имелось. Да на Соловках в них и не было нужды.

Все стояли и молчали. Каждый думал о том, где можно достать денег. Разумеется, можно сделать крючки и самим. Рыбы в озерах очень много, клевать все равно будет. Но если в магазине есть настоящие крючки, поплавки и грузила, то лучше бы обзавестись ими.

Юнги не успели прийти к какому-либо решению, как вдруг, всем им показалось, что моторы остановились, хотя в то же время все отчетливо видели, что они продолжают работать.

Два сильных взрыва ударили за кормой катера. Без сомнения, это взрывались глубинные бомбы. Но почему же нет сигнала боевой тревоги?

Каждый встал на свое место. Телеграф требовал исполнения новых и новых команд. Катер поворачивался то в одну, то в другую сторону, сбавляя ход, а потом неся на максимальной скорости.

К моторам кубарем скатился Цыбенко.

– Немцы! – крикнул он.

Юнги так и застыли на местах.

– Немецкая подводная лодка здесь, – рассказывал Цыбенко. – Мабуть, стояла на позиции, ждала караван. Эх, не взяли мы с собой акустика!

Без него як без очей. Бомбили вслепую.

– Лодку видели?

– Лейтенант побачив перископ.

– А может, потопили? – спросил Рурька.

– Не разумею, – сказал Цыбенко. – Вряд ли. Всего скорей ушла или лежит на дне и ждет, когда мы уберемся отсюда. Хиба можно было ожидать ее здесь?

– А может, то был не перископ? – усомнился Петушок.

Сверху поступила команда остановить моторы и соблюдать тишину.

Гурька обратился к Цыбенко:

– Товарищ старшина первой статьи, разрешите взглянуть?

Цыбенко поколебался немного, потом сказал:

– Побачь. Тильки тихо.

Гурька поднялся на палубу. У изготовленных к бою пушек стояли матросы. На бомбосбрасывателе лежали глубинные бомбы. Там тоже стояли два матроса и инженер-капитан Вукулов.

Шум от Гурькиных шагов заставил всех повернуться к нему. Один из матросов погрозил ему кулаком и сделал знак, чтобы он стоял на месте и не двигался.

Гурька замер.

37

Немецкие военно-морские силы на севере старались наносить удары по советским коммуникациям. Другого они ничего не предпринимали. Их подводные лодки караулили идущие в наши порты караваны судов. Фашисты выбирали наиболее выгодные позиции у входа в Кольский залив, чтобы перехватить здесь идущие в Мурманск суда. Случалось, что вражеские лодки обнаруживались у входа в Белое море. Но лейтенант Голощапов никак не мог предположить, чтобы немцы могли забраться так далеко. Поэтому, когда он увидел на поверхности воды хорошо различимый «ласточкин хвост» – след от перископа, а потом и сам перископ, сначала подумал, что это своя, советская подводная лодка. Но тут же появилось сомнение: зачем нашей лодке ходить в своих водах под перископом на виду у катера-охотника? Да и делать ей здесь как будто нечего. Советские подводные лодки топили корабли фашистов там – в их же базах, в норвежских фиордах или на подходах к ним.

Если это вражеская лодка, то надо немедленно атаковать ее. Но если лодка окажется своей? Перископ ее быстро скрылся под водой. Все это было до крайности странно. Советская лодка прячется в своих водах? Прошедший караван судов... Может, немцы гнались за ним, увлеклись и прошли сюда?

Лейтенант сперва не знал, что делать. А решение должно быть принято мгновенно. Промедление при встрече с врагом в море недопустимо. Лейтенант приказал сбросить две бомбы.

После этого он подождал, не обнаружит ли чем-нибудь себя лодка. Если бы это была советская, она всплыла бы. Лодка не показывалась. Ясно, что в горло Белого моря забрался коварный враг.

Принялись сбрасывать бомбы по всему участку, где был замечен перископ. У орудий встали матросы.

Однако это была охота вслепую, когда ловящий добычу совершенно лишен слуха, и тот, кто скрывался, мог пройти незамеченным рядом. В составе команды учебного катера акустика не было. Надежд на успех при этих условиях почти никаких. Если ни одна из бомб не задела лодку, то фашисты просто не будут связываться с катером и спокойно уйдут из опасного района.

Но уйдут ли? Ведь им неизвестно, что катер лишен слуха. Они побоятся выдать себя и, даже не подозревая о выгоде своего положения, затаились, ждут, когда катер уйдет отсюда. Чуткое ухо вражеского акустика напряженно слушает, что происходит на поверхности моря. Выиграет тот, кто перехитрит, у кого окажется крепче воля.

Все, кто в это время был наверху, зорко следили за морем. Но на его спокойной поверхности ничего, кроме масляных пятен, не видно. В открытом Баренцовом море такие пятна могли бы вызвать подозрение. Они могли свидетельствовать о том, что немецкая лодка повреждена и лежит затопленная на дне. Но здесь, где только что прошел огромный караван, где ежедневно по одному и тому же месту в Архангельск и обратно проходит столько кораблей, небольшие масляные пятна почти ни о чем не говорят. Одно пятно больше других, и появилось оно вскоре после того, как были сброшены первые бомбы. Но что это пятно от машинного масла, которое вытекало из лодки, у Го-лощапова не было никакой уверенности.

Лейтенанту скоро показалось, что он ставит себя в глупое положение. Его попытка выследить подводную лодку немцев походила на детскую игру в кошки и мышки. Он решил возвращаться к Соловкам, отказавшись от намерения дойти до Северного полярного круга. Встреча с врагом требовала быстрого возвращения домой.

38

Все остальное произошло так же неожиданно, как и первая встреча с подводной лодкой.

Гурька продолжал нести вахту, когда прозвучал сигнал боевой тревоги. Катер снова начал менять ход. Наверху раздавались выстрелы из орудий.

Гурька плохо себе представлял, как он оказался на палубе у орудия и стал подавать заряжающему снаряды.

...Вражеская лодка была обнаружена в надводном положении на обратном пути, недалеко от места, где ее караулил лейтенант Голощапов. Глубинной бомбой повредило ее корпус. Некоторое время немцы пытались спастись от гибели или сдачи в плен. Затопленным оказался только один отсек. Потом при попытке уйти на большую глубину корпус лодки сдал еще в нескольких местах. Немцы подвсплыли, чтобы уменьшить давление воды на корпус лодки, и пытались уйти от советского катера. Это им не удалось, и они вынуждены были принять решение: дать последний бой в надводном положении. Выбраться живыми из Белого моря они уже не рассчитывали.

Об этом позже рассказал один из пленных немцев, когда лодка была потоплена и катер подобрал нескольких плавающих в море гитлеровцев.

Фашисты первыми выстрелили из орудия по катеру. Потом началась дуэль, в немногие минуты и даже секунды которой решается исход боя.

Вражеские подводники оказались плохими артиллеристами. Матросы на катере были новичками, только что окончившими школу учебного отряда. К тому же спустившиеся сумерки мешали точной стрельбе. Бой затянулся.

Матрос, подававший снаряды до Гурьки, был убит. Отнести его в сторону от орудия не было времени. Гурька даже не замечал, что топчется в крови. Все его внимание было сосредоточено на одном – не задерживать снаряды. Получалось у него это не очень аккуратно, и заряжающий

рычал на него, но Гурьку так сразу захватила лихорадка боя, что он все пропускал мимо ушей. Слышал только грохот выстрелов, а в сознании было одно:

– Быстрее! Быстрее!

Потом ничего не стало: ни выстрелов, ни моря, ни подводной лодки врага. Но кругом была какая-то вода. Гурька лежал в ней. Она лилась сверху, с боков множеством струек. Гурька начинал кричать, и голос его гас в груди, как в стенах старого монастырского острога. Потом струйки превращались в острые клинки. Это были все сабли Дмитрия Пожарского. Гурька тянулся к ним руками, чтобы схватить хотя бы одну из них, но сабли вновь превращались в водные струи, удивительно горячие, такие горячие, что от них болело тело. Особенно больно жгли они грудь.

Он пришел в себя на госпитальной койке.

Чей– то женский голос звал:

– Галя... Галя...

– Мама, он открыл глаза.

Гурька действительно открыл глаза и увидел над собой чье-то лицо и две болтавшиеся косички.

– Мат... Мати...

Гурька узнал девочку. Он хотел сказать Матильда, но у него ничего не вышло.

– Не надо, – сказала девочка. – Пить хочешь?

У Гурьки жгло внутри, и он хотел сказать «хочу», но слово застряло в горле, и он смог только беззвучно пошевелить губами.

Девочка исчезла и вместо нее появилась женщина в белом халате. Она улыбнулась и сказала:

– Ну, вот и хорошо.

Снова появилась девочка. Она подложила Гурь-ке под голову свою руку, помогла приподняться и приложила к его губам кружку с водой.

– Пей.

Гурька сделал несколько глотков, и у него будто прибавилось сил. Наконец он выговорил:

– Матильда.

Девочка засмеялась.

– Никакая я не Матильда вовсе. Я Галя. Галя Солнцева.

– Я знал...

Но что знал Гурька, сказать он не смог. Сознание снова покинуло его.

И все-таки юность взяла свое. Силы у Гурьки прибавлялись, рана в груди заживала, и он стал быстро поправляться.

Каждый день к нему приходили юнги Митя Коробков, Жора Челноков, Ваня Таранин и Петушок. Все они старались сделать что-нибудь приятное Гурьке, кормили его свежей рыбой, рассказывали о школьных новостях. Лейтенант Соколов уехал на фронт. А лейтенанта Голощапова, Гурьку и еще нескольких участников похода к Северному полярному кругу за потопление вражеской подводной лодки представили к награде.

Каждый день приходила Галя, оказавшаяся дочерью медицинской сестры госпиталя Веры Даниловны Солнцевой. Обе они ухаживали за ним. Галя набрала на суровой земле острова большой букет цветов и принесла его Гурьке.

Однажды она вошла в палату веселая, улыбающаяся.

– К тебе гость, – сказала она.

Гурька подумал, что это кто-нибудь из юнгов снова пришел навестить его, поэтому спросил:

– Чего же он не входит?

– Сейчас войдет. А ты отвернись к стене, не смотри пока.

– Ну вот еще, выдумала! С чего я буду отворачиваться к стене?

Галя сделала строгое лицо, хотя сейчас ей это плохо удавалось, и тоном, не терпящим возражения, сказала:

– Больной Захаров, слушайтесь!

Гурька решил принять условия игры, которую затевала Галя, и повернулся лицом к стене. Он слышал, как легкими шагами она подошла к двери и кому-то сказала:

– Входите.

В палату вошел кто-то на костылях. Гурька слышал, как костыли стучали о пол, приближаясь к его койке. Он не стал ждать, когда ему позволят повернуться обратно, оглянулся и увидел отца.

– Папа!

– Гуря! Сынок!

Отец сделал несколько поспешных шагов, и они обнялись.

Примечания

1

Так в тексте: везде «Антонинович» а тут «Антонович»

2

Смена – здесь группа юнгов в двадцать пять-тридцать человек, занимающихся в одном классе.

3

Вавилоны, или лабиринты, – древние сооружения из камней, сделанные, вероятно, в начале нашей эры. Одна из версий связывает их назначение с религиозным культом кельтов. По другой версии соловецкие лабиринты сделаны по приказу Петра I в честь его побед. Петр I несколько раз посещал Соловки.

4

Ахтерштевень – основное крепление кормы; форштевень – носовая часть судна; шпангоут– ребра, составляющие остов судна; рангоут – все деревянные и железные части снаряжения парусного судна.

5

Свайка – инструмент для такелажных работ.

6

Мушкель – деревянный молоток для такелажных работ.

7

Бензель – способ перевязки двух тросов тонким тросом.

8

Марка – способ заделывания концов троса и закрепления нераспущенной части троса.

9

Тахометр – прибор для измерения оборотов.

10

Гюйс – военно-морской флаг. Поднимается на носу корабля вместе с кормовым флагом с восьми часов утра.

11

Жвака-галс – короткая цепь для прикрепления якорной цепи к судну. Здесь: «Трави до жвака-галса» – лги до конца, до последнего.